

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ

РУССКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЖЕНЩИНЫ

Даниил Мордовцев

Русские исторические женщины

«Остеон-Групп»

Мордовцев Д. Л.

Русские исторические женщины / Д. Л. Мордовцев — «Остеон-Групп» ,

Предлагаем читателю ознакомиться с главным трудом русского писателя Даниила Лукича Мордовцева (1830–1905) — его грандиозной монографией «Исторические русские женщины». Д.Л.Мордовцев — мастер русской исторической прозы, в чьих произведениях удачно совмещались занимательность и достоверность. В этой книге мы впервые за последние 100 лет представляем в полном виде его семитомное сочинение «Русские исторические женщины». Перед вами предстанет галерея портретов замечательных русских женщин от времен «допетровской Руси» до конца XVIII века. Глубокое знание истории и талант писателя воскрешают интереснейших персонажей отечественной истории: княгиню Ольгу, Елену Глинскую, жен Ивана Грозного, Ирину и Ксению Годуновых, Марину Мнишек, Ксению Романову, Анну Монс и ее сестру Матрену Балк, невест Петра II Марью Меншикову и Екатерину Долгорукую и тех, кого можно назвать прообразами жен декабристов, Наталью Долгорукую и Екатерину Головкину, и еще многих других замечательных женщин, включая и царственных особ — Елизавету Петровну и ее сестру, герцогиню Голштинскую, Анну Иоанновну и Анну Леопольдовну.

© Мордовцев Д. Л.

© «Остеон-Групп»

Содержание

Том первый	8
Предисловие	8
Часть первая	9
I. Княгиня Ольга	9
II. Малуша-ключница. – Рогнеда. – Анна-болгарыня. – Олова-варяжка. – Мальфреда-чехиня. – Адиль. – Преслава. – Ингигерда	17
III. Княжна Сбыслава. – Княжна Измарагд. – Княгиня Верхуслава. – Гертруда, княгиня Галицкая. – Ольга, княгиня Волынская и ее приемыш Изяслав. – Княгиня Кончака-татарка. – Елена Омулич, служанка Анны, княгини Литовской. – Александра, княгиня Нижегородская. – Ульяна, княгиня Вяземская	24
IV. Софья Витовтовна	30
V. Марфа Борецкая, посадница Новгородская	33
VI. Софья Палеолог	41
VII. Елена Ивановна, великая княгиня Литовская и королева Польская	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниил Лукич Мордовцев

Русские исторические женщины

*Анне Никаноровне Мордовцевой, Вере Даниловне Мордовцевой,
Наталье Иосифовне Первольф, с любовью посвящает
муж, отец и дедушка – автор*

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Д. Л. Мордовцева.

**РУССКІЯ
ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ**

Популярные рассказы изъ русской исторіи.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЖЕНЩИНЫ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Томъ XXXIV.

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Э. Мертца
1902.**

**Электронное издание, соединившее 7 томов
полного собрания сочинений Д.Л.Мордовцева**

тома с 34-го по 39-й

Том первый

Предисловие

Настоящие очерки не имеют претензии ни на самостоятельность исторического исследования вообще о положении женщины в истории Русской земли, ни на специальное определение исторической роли каждой из женских личностей, на долю которых выпало историческое бессмертие, вследствие ли их личной исторической деятельности, или вследствие обстоятельств обуславливавших то или другое проявление их в истории Русской земли.

Предлагаемая книга представляет не что иное, как систематическое, в самом сжатом виде, изложение, приспособленное притом для общедоступного чтения, более или менее общеизвестных фактов о русских исторических женщинах, насколько они выявили свою личность, прямо или косвенно, в истории Русской земли, и составленное преимущественно на основании известных уже исторических трудов почтенных представителей русской исторической науки: С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и других.

Если некоторые исторические женские личности являются в наших очерках полнее, с более или менее явственно-очерченной, цельной физиономией, а другие только как исторические тени, как исторические имена, заслужившие историческое бессмертие лишь по отношению к другим историческим именам, – то это потому, что об одних личностях есть что сказать, а о других – более того, что сказано, сказать нечего.

Таких же исторических женских личностей, как например, Иулиания Лазаревская или Евфросинья Полоцкая и им подобные, мы не казались потому, что первые из них суть не что иное, как исторические или скорее литературные женские типы древней русской жизни, другие же входят в область истории русской церкви и русского духовного просвещения.

Говоря вообще, очерки наши представляют сборник об избранном нами предмете всего того, что сказано об этом предмете в десятках томах специальных и неспециальных исторических исследований, и предназначены собственно и исключительно для тех читателей, которые или поставлены были бы в невозможность, по недостатку времени и другим причинам, или не решились бы, да и не осилили бы прочесть все то, что нами здесь сжато изложено, когда оно рассеяно в отдельных многотомных трудах русских историков или в разнообразных повременных изданиях.

Настоящие очерки мы заканчиваем началом XVIII-го века, то есть останавливаемся на рубеже, отделяющем старую допетровскую Русь от новой.

Часть первая

Женщины допетровской руси

I. Княгиня Ольга

Первой исторической женщиной в русской истории является Ольга, жена киевского князя Игоря.

Деятельность этой женщины, сколько известно из летописных сказаний, начинается тотчас после смерти мужа, которого зверски умертвили соседи киевлян – древляне за то, что Игорь, не довольствуясь данью, платимую ему древлянами, грабил этот народ и опустошал древлянскую землю словно волк, повадившийся ходить в овечьё стадо, по выражению самых древлян.

Ольга была родом из Пскова или вообще из северных областей тогдашней русской земли, из которых и впоследствии Киевские князья нередко брали себе жен.

Ольга осталась вдовой с малолетним сыном Святославом, который был еще «детеск» и едва ли достиг четырехлетнего возраста, и потому сама должна была править русскою землею до возмужалости малютки. «Кормилищем» или воспитателем маленького Святослава был Асмуд, а воеводой Свенельд, еще при жизни Игоря прославившийся тем, что отроки его были богаче «оружием и платьем», чем дружинники скупого Игоря, жаловавшиеся, что они «босы» и «наги».

В то время кровавая месть была еще в полной силе, как обычай, освященный временем и верованиями, как дело родовой чести и, наконец, как закон, строго исполнявшийся во всей стране. Даже много лет спустя после Ольги, внук её, первый русский законодатель, Ярослав Владимирович, устанавливая писанный закон для русской земли под названием «Русской Правды», первую статью этого закона постановил родовую месть: «если убьет муж мужа, то мстит брат за брата, либо сын за отца, либо отец за сына, либо племянник за дядю» и т. д. Как всякая женщина, всегда и везде наиболее строгая, чем мужчина, блюстительница обычаев старины, и как жена, оставшаяся молодой вдовой с малюткой-сыном, Ольга первой своей обязанностью сочла исполнение прямой, лежавшей на ней обязанности – месть убийцам своего мужа. И она исполнила это дело с редкой женской находчивостью и даже изысканностью. Этого требовало не одно её женское чувство, не одно приличие, наконец, не жестокость времени или её личная мстительность, но закон страны, точное исполнение которого должно было возвысить ее и в собственном мнении, и во мнении народа, и, наконец, во мнении самих врагов.

Случай к мести не замедлил представиться. Древляне, по убийстве Игоря, так рассуждали: «Вот мы убили Русского князя. Теперь возьмем его жену Ольгу за нашего князя Мала, а с сыном его Святославом что хотим, то и сделаем».

Признав такое дело возможным и полезным для себя, древлянская земля отправила послов своих к Ольге, выбрав для этого посольства двадцать лучших мужей. Так как древлянская земля, лежавшая на северо-запад от земли киевской, на которой сидели киевские поляне, перерезывалась рекою Ушью, впадающей в Днепр на несколько десятков верст выше Киева, и так как в то время, при неимении и трудности сухопутных проездов, особенно при существовании тогда, почти повсеместно, дремучих лесов, преимущественно по правой же стороне Днепра, всего удобнее было сообщение по рекам на судах, – то древлянские послы и отправлены были в Киев водою, в ладье.

Когда Ольга узнала о прибытии послов, то позвала их к себе и спросила: зачем они пришли?

Послы отвечали:

– Нас послала древлянская земля сказать тебе: мужа твоего мы убили, потому что он грабил нас, как волк, наши же князя добры суть – распасли деревску землю: отчего бы тебе не пойти замуж за нашего князя Мала?

– Люба мне речь ваша, – отвечала притворно Ольга: – ведь уж мужа мне своего не воскресить! Но мне хочется почтить вас завтра перед моими людьми: так ступайте вы теперь назад в свою ладью и разлягтесь там с важностью. А как завтра утром я пришлю за вами, то вы скажете посланным: «не едем на конях, не идем пешком, а несите нас в ладье». Они и понесут вас.

Древляне, ничего не подозревая, ушли к своей ладье, а Ольга тотчас велела копать глубокую и просторную яму на загородном теремном дворе. На утро послала за древлянами.

– Ольга зовет вас на великую честь, – говорили посланцы Ольги по её приказанию.

– Не едем ни на конях, ни на возах, и не идем пешком – несите нас в ладье! – отвечали древлянские гости.

– Мы люди невольные, – говорили киевляне по наущению Ольги: – наш князь убит, а княгиня наша хочет замуж за вашего князя.

И киевляне понесли древлян в ладье. Древляне же, говорить летописец, сидя в ладье, ломались и важничали – «сediaху в перегах, в великих сустугах, гордящися».

Когда древляне вместе с ладьей принесены были на тюремный двор, то, по приказу Ольги, брошены были в вырытую для них яму, как сидели, с ладьей. Ольга подошла к яме, нагнулась и спросила древлян:

– Довольны ли вы честью?

– Ох, лютее наша смерть смерти Игоревой! – отвечали послы: – ты умеешь хорошо мстить.

Княгиня приказала живыми засыпать их землею – и их засыпали.

Но она не удовольствовалась этой местью. Ей нужно было наказать и унижить всю древлянскую землю, поработив ее окончательно и икупив потоками крови кровь своего мужа, которого древляне, как свидетельствует историк Лев-Диакон, раздрили надвое, привязав между двумя деревьями. Поэтому, когда весть о гибели древлянских послов не могла еще дойти до их земли, Ольга послала сказать древлянам: «Если в самом деле вы просите меня к себе, то присылайте нарочитых мужей, чтоб прийти мне к вам с великою честью, а то киевляне, пожалуй, и не пустят меня».

Древляне, не предвидя обмана, действительно выбрали лучших мужей, державших их землю, и отправили в Киев это новое посольство. Ольга жестоко надругалась и над этими послами. По приезде их, она велела истопить баню, до которой были большие охотники северные обитатели русской земли, в том числе, конечно, и древляне, как жители лесов, тогда как более южные обитатели смеялись над этим пристрастием северян к баням. Послы приглашены были в баню, по русскому обычаю, сохранившемуся еще и теперь в жизни, как он сохранился и в сказках, где гостя прежде всего ведут «в баньку париться». Когда древляне вошли в мыльную и стали мыться, то киевляне заперли за ними дверь и зажгли самую избу, в которой послы и сгорели.

Но и эта месть казалась для Ольги неполною. Женщина эта была, по-видимому, лучшей представительницей своего времени и своего народа, и потому доводила исполнение священного обычая своей страны до крайней возможности, а в отношении к кровавой мести – до изысканной жестокости, чем она и прославилась в тогдашнем народе, как непоколебимая исполнительница и хранительница законов своей страны.

Она вновь послала в древлянскую землю и велела сказать: «Я уже на дороге к вам. Наварите побольше медов в городе, где убили моего мужа: я поплачу над ним и отправлю по нем тризну».

Опять – строгое исполнение обычаев страны: плаканье и голосованье над телом или могилою дорогого покойника, что сохраняется и теперь в русском народе, и отправление тризны на

могиле, поминки, еда и питье в честь умершего – все это было священным долгом, особенно в то языческое время.

Древляне, и теперь еще не догадываясь о лукавстве Ольги, исполнили все, чего она требовала: навезли на место смерти Игоря много медов и наварили медового питья. Ольга, чтобы еще более усыпить возможную бдительность и недоверие древлян и успокоить их, поехала в их землю с малой дружиной. Поплакав над могилой Игоря, она велела своей дружине насыпать высокий курган над покойником, а потом, когда это было исполнено, велела отправлять тризну, пригласив и древлян. Началось празднование тризны – питье медов, которые, надо полагать, были не простые мёды, но хмельные, крепкие. Пили собственно древляне, а Ольгины отроки служили им, как бы для большей чести.

– Где же наша дружина, что мы посылали за тобой? – спрашивали древляне Ольгу.

– Она идет вслед за мной, вместе с дружиной моего мужа, – отвечала она.

Когда древляне охмелели, то княгиня велела своим отрокам, чтоб они пили за здоровье своих новых союзников-древлян: это была насмешка над опьяневшими древлянами. Приказав пить за здоровье последних, Ольга сама отошла в сторону от места тризны и приказала своей дружине рубить пьяных древлян. Началась сеча, и в сече перебито их пять тысяч.

Отпраздновав эту кровавую тризну по мужу, Ольга воротилась в Киев, чтоб доводить свою месть до конца, до крайнего предела возможности так, чтобы враги никогда не забывали этой мести. Она собрала большое войско, и на следующей год открыла поход на древлянскую землю под своим личным предводительством. С нею был в походе и малютка Святослав. Были также с ними опытный и закаленный в боях воевода Свенельд, много испытывший походов и битв еще при Игоре, с ним вместе и от его имени умиряя и покоряя соседние народы, а равно пестун маленького князя – Асмуд. Узнав о походе Ольги, древляне выступили против неё соединенными силами всей древлянской земли.

Когда неприятельские войска сошлись, маленький Святослав, бывший на коне в рядах ратных людей, первый открыл битву: своей маленькой ручонкой он сунул в древлянина копьём; но рука ребенка была бессильна – копьё пролетело между ушей коня и ударило ему в ноги...

– Князь уже начал, – сказали Свенельд и Асмуд, обращаясь к войску: – потянем, дружина, за князем!

Началась сеча. Древляне не выдержали натиска киевлян и побежали с поля битвы. Преследуемые войском Ольги, они разбежались по своей земле и затворились по городам: брать каждый город было нелегко. Тогда Ольга, взяв сына и совокупив войско, пошла к Коростену, по-видимому главному городу древлянской земли и к конечной цели своего продолжительного и упорного мщения: там был убит её муж, там она совершила по нем кровавую тризну, там должна была исполниться и мера её мщения. Но Коростен, обложенный войском киевлян, защищался упорно. Коростенцы до последней возможности отстаивали свой город, боясь думать о сдаче, потому что не надеялись уже ни на что и не могли ждать пощады от Ольги, мужа которой они разорвали на части и которая, как они убедились горьким опытом, так жестоко и изысканно умела мстить. Осада Коростена продолжалась целое лето, но город не сдавался. Тогда хитрая Ольга придумала новый план взятия города и новый вид мести.

Она послала в Коростен и велела сказать:

– Из чего вы сидите? Все ваши города уже сдались мне, обязались платить дань, и теперь спокойно возделывают свои нивы; вы одни хотите лучше умереть от голода, чем согласиться платить мне дань.

– Мы рады бы платить дань, – отвечали коростенцы: – но ты ведь хочешь мстить за мужа.

Ольга велела на это сказать: «Я уж отомстила за мужа не один раз – в Киеве и здесь, на тризне; а теперь уж не хочу больше мстить, хочу брать дань понемногу, и, помирившись с вами, уйду прочь».

– Чего ж ты хочешь от нас? – спрашивали доверчивые древляне: – мы рады давать тебе дань и медом, и мехами.

Мед и меха были естественный богатства лесистой древлянской земли, а потому это была подходящая с них дань.

Но Ольга отвечала: «Теперь у вас нет ни меду, ни мехов, а потому я требую от вас немного: дайте мне от двора по три голубя, да по три воробья. Я не хочу налагать на вас тяжелой дани, как делал муж мой, а прошу с вас мало оттого, что вы изнемогли в осаде».

Простодушные древляне и тут не догадались о хитрости изобретательной Ольги, а обрадовались её снисхождению, и, собрав с каждого двора по три голубя и по три воробья, послали их к осаждающим и даже велели поклониться Ольге. Ольга сказала посланцам: «Вы уж покорились мне и моему ребенку, так и ступайте в свой город; а я завтра отступлю от него и пойду к себе домой».

Древляне ушли в город, который был еще более обрадован принесенным послами известием о намерении Ольги снять осаду и возвратиться в Киев. Но Ольга раздала голубей и воробьев своим ратным людям и велела, привязав к каждой птице по завернутому в тряпочки кусочку серы с огнем, при наступлении сумерек пустить их на волю. Голуби и воробьи; вырвавшись из рук воинов, полетели, конечно, к своим гнездам, в город, и зажгли город со всех концов, как наивно рассказывает об этом летописец: «Голуби же и воробьев полетеша в гнезда своя, ови в голубники, воробье же под стрехи (крыши, большею частью соломенные), и тако возгорахуся голубници, ово лети (дома), ово веже (чердаки), ово ли «одрины» (спальные пристройки) и т. д.

Не было ни одного двора во всем Коростене, где бы не загорелось, а гасить было некому да и невозможно, потому что загорелся разом весь деревянный и соломенный город. Жители в испуге бежали из города, чтоб не сгореть самим в сплошном пламени, а воины Ольги ловили беглецов. Город был выжжен и взят как беззащитный.

Коростенских старейшин Ольга взяла себе, а остальных частью раздала дружине в рабы, по тогдашнему обычаю, как военные трофеи и добычу, а часть пощадила для того, чтоб они платили дань победителям. Тяжелую дань Ольга наложила на убийц своего мужа и распределила ее на три части: «две части дани идет Киеву, а третья к Ользе Вышеграду». Вышгород, как пожизненное владение, принадлежал лично Ольге и был главным складочным местом её сокровищ – мехов, меду и всего, что тогда почти исключительно составляло и царскую и частную казну, при неимении того, что у нас теперь называется деньгами.

Отомстив древлянам за смерть своего мужа, Ольга не пошла, однако, к Киеву, как обещала послам древлянским, а отправилась устанавливать порядок в русской земле, во всех своих, уже тогда обширных, владениях. Русские князья того времени в ноябре месяце выходили обыкновенно со своею дружиною «на полюдь». Полюдь состояло в том, что князья в продолжение всей зимы разъезжали по областям подвластных им племен, и во время этих разъездов собирали со своих подданных дань, называемую «оброком», и чинили суд и праву. Области, по которым проезжал князь, продовольствовали в это время его самого и всю его дружину. В некоторых местах, наиболее удобных или центральных, князь останавливался, и окружное население должно было являться к нему для внесения дани и для прочих надобностей, если кто имел нужду в князе, в его суде, расправе, в совете или помощи. В местах княжеских стоянок, называвшихся «гощениями» или «погостами», впоследствии устраивались небольшие дворы, где могли жить княжеские «тиуны», представители власти правительственной, соединявшее в своем лице и судью, и приказчика, и полицейское око и, наконец, сборщика княжеских пошлин.

Таким образом, и Ольга, отступив от Коростена, вместе со своим сыном и дружиною отправилась по древлянской земле, устанавливая везде «уставы» – учреждения, определяются взаимные отношения населения между собою и к княжеской власти, и «уроки» – обязанности,

возлагаемый на население по отношению к князю и к своей земле. Спустя много времени, даже во времена первого летописца, указывали еще на Ольгины «становища» и «ловища» – на места, где оно останавливалась для «гощения» и распоряжков, а также, где охотилась со своею дружиною.

Установив порядки в земле древлянской, которая должна была нуждаться в этих порядках, так как старейшины древлянской земли были или перебиты Ольгою или отведены в плен, «Вольга, – как называет ее летописец, – иде Новгороду и устави по Мете погосты и дани, и по Лузе оброки и дани, ловища ея суть по всей земле, знаменья (следы пребывания) и места, и погосты, и сани ее стоят в Плескове (Псков) и до сего дне, и по Днепру перевесища, и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».

Лет через десять после этого (957 г.), мы уже видим Ольгу в Константинополе, где она принимала крещение, так как до того времени и она и вся русская земля состояли в язычестве. Что привлекло эту смелую язычницу и, как, конечно, смотрели на нее византийцы, почти дикарку в этот далекий и блестящий город, в центре тогдашней цивилизованности и роскоши – неизвестно, если не допустить, что она именно поехала затем, чтобы принять христианство. Последователей его она могла уже видеть на Руси, так как русские воины и русские торговые люди, отправляясь в Константинополь или на службу к византийским императорам, или для торговых дел, иногда возвращались оттуда уже не язычниками, а христианами и могли хвалить новую религию. Быть может, ее тянуло туда любопытство – лично взглянуть на те чудеса столицы цивилизованного мира, на то великолепие, на ту блестящую и своеобразную жизнь греков, хитрейших из людей, на их храмы и дворцы, о чем она могла слышать еще от своего мужа и от его послов, лично бывших в Константинополе для заключения известного договора с греками. Для варваров, каковыми были тогда русские, столица греков могла представлять что-то сказочное, действительно поражающее и заманчивое, и всякий, кто бывал в том сказочном царстве, мог гордиться и возвышаться перед другими русскими тем, что он видел такие чудеса, о которых варварам и не грезилось.

Как бы то ни было, Ольга отправилась в Царьград с большою свитою. С нею был её племянник, послы, гости, знатные женщины, переводчики, священник и служанки. Сношения Руси с Византией были уже в то время делом весьма обыкновенным; дорога в Царьград была известна русским с самых первых походов варягов; греки жилали и торговали в русской земле и русские люди бывали и жилали в Византии; были уже и переводчики, знавшие оба языка – все это облегчило и подкрепило решимость смелой русской женщины предпринять путешествие в столицу образованного мира, о которой позднейшие русские женщины, почти не выходившие из терема, могли знать только по наслышке или знали меньше, чем варвары времен Игоря и Ольги.

В Византии царствовали в это время императоры Константин Багрянородный и Роман. Первый из них и оставил нам описание как приёма Ольги в Царьграде, так и церемоний, которыми сопровождался при византийском дворе этот прием. В самой церемонии греки хотели было высказать то различие, какое они полагали между особами императорского дома, приемниками римских цезарей и Августов, и между представительницею северных варваров, русскою княгинею. Но русская женщина, правительница того народа, который нередко заставлял уже дрожать гордых византийцев в своих роскошных дворцах, когда русский народ этот облагал своими бесчисленными ладьями столицу цивилизованного мира и опустошал византийское царство, – с своей стороны показала царственный такт, не дав грекам возможности унижить её самолюбие. Так, когда в церемониях приёма ей отвели место по-видимому наравне с женами знатных византийских придворных, Ольга сама выделилась из них, и когда, при входе императрицы, знатные гречанки приветствовали ее тем, что, по восточному обычаю, падали ниц, Ольга выразила это приветствие только легким поклоном.

Предание говорит, что византийский император предложил Ольге свою руку, вероятно, рассчитывая этим браком привлечь на свою сторону могущественных северных варваров и сделаться обладателем русской земли, столь страшной тогда для византийской империи и заманчивой своими естественными богатствами, но Ольга перехитрила и цивилизованного императора, как она уже не раз перехитрила своих полудиких соседей, древлян. Она отвечала императору, что не отказывается быть его женою, но только просила, чтобы ее прежде окрестили и чтобы император был её восприемником от купели. Император исполнил её требование; но когда после совершения крещения он возобновил свое предложение о браке с Ольгою, русская княгиня, уже достаточно наставленная в догматах христианской религии, напомнила ему, что, по христианскому закону, крестный отец не может жениться на своей крестнице.

– Ольга! ты перехитрила («переключала») меня! – воскликнул император, которого не могла не поразить эта находчивость полудикарки, какою он естественно мог считать Ольгу в своей цивилизованной гордости.

Когда Ольга возвращалась потом из Цареграда, император, отпуская ее, одарил свою крестницу «богатыми дарами», которые, впрочем, с точки зрения нашего времени, могли бы показаться очень скудными, что называется «мещанскими»: так в один раз он подарил русской княгине с небольшим сорок червонцев, в другой – около двадцати.

Но и тут предание окружает Ольгу, этот идеал древнерусской мудрой женщины, новыми доказательствами её мудрости и хитрости. Ольга вновь перехитряет императора-грека, грека, о хитрости которых так прочно установилась репутация, что и в позднейшее время русский летописец выразился о них: «суть же лстивы греки и до сего дне». По понятиям русских, хитрее грека не было народа в мире. Прощаясь с императором, Ольга сказала ему, что когда воротится в Русь, то пришлет ему богатые дары: рабов, воску, мехов и рабов на помощь. Но то притеснение и те унижения, которым обыкновенно подвергались русские, приезжавшие в Константинополь и не смевшие, бывало, в силу последнего договора с Игорем, войти на берег в византийской гавани без соблюдения разных стеснительных формальностей, не могли не раздражать русских, и потому Ольга и в этом случае мстит грекам, как она мстит и древлянам, за свое собственное унижение при церемонии приёма в византийском дворце и за унижение соотечественников, хотя мщение это и заключалось в том, что она посмеялась над греческим императором, охотником до русских даров и до вспомогательных дружин из храбрых руссов.

Греческий император, по возвращении Ольги в Киев, прислал послов напомнить ей:

– Я тебя много дарил, а ты говорила мне «когда возвращусь в Русь, пришлю тебе богатые дары рабов, воску, мехов и войска на помощь».

Тогда Ольга велела отвечать ему:

– Когда и ты постоишь у меня на Почайне столько же, сколько стояла я у тебя в цареградской гавани, тогда дам тебе обещанное.

В Киеве уже Ольга решила было обратиться в христианство и своего сына; но молодой Святослав был упорен в своих привязанностях к язычеству, и не потому, как говорит летописец, чтобы он признавал преимущества отцовских верований перед христианством, а потому единственно, что в язычестве ему жилось лучше, привольнее, свободнее: тут ничто не запрещено ему «творить норовы поганские», тогда как христианство потребовало бы от него и нравственного и физического сдерживания. Да кроме того, он не хотел в этом разойтись со своим народом, когда народ оставался в язычестве, при идолах, и вся окружающая жизнь сложилась в иные формы, которые были более любы молодому князю, чем формы христианской жизни. Формы эти, притом, вызывали насмешки язычников, а при других обстоятельствах могли вызвать и вражду; Святослав же не хотел, конечно, быть ни смешным в глазах народа, ни чуждым ему по вере.

– Я узнала Бога и радуюсь, – часто говорила Ольга сыну: – если и ты узнаешь Его, то также будешь радоваться.

Святослав обыкновенно отвечал на это:

– Как мне одному принять другой закон? Дружина станет над этим смеяться.

– Если ты крестишься, то и другие станут то же делать, – настаивала мать.

Но все было напрасно. Настойчивость матери могла только раздражать молодого князя, и он действительно сердился на мать, которая с своей стороны видела себя одинокою и даже стала бояться язычников.

– Народ и сын мой в язычестве: дай мне Бог уберечься от всякого зла, – говорила она патриарху.

Когда Святослав возмужал и вышел из-под опеки матери, то его почти совершенно не видали уже в Киеве, так как он находился в беспрестанных походах со своею дружиною, а Ольга одна жила в Киеве с его детьми, со своими внучатами. Ольга успела состариться, а Святослав все воевал, добывая себе славы: так, он разбил хазаров, которым вятичи платили дань, взял их столицу на Дону – Белую Вежу, победил ясов и касогов, живших у Кавказа, напал на волжских болгар и разграбил их главный, славившийся торговлей, город, стоявший ниже Казани; оттуда кинулся вниз по Волге, взял Итиль при впадении Волги в Каспийское море, вышел в это море, разграбил Семендер в нынешнем Дагестане, потом покорил вятичей, и затем, сделавшись союзником византийских императоров, завоевал Болгарию (дунайскую) и поселился в Переяславце на Дунае.

Во время этого мыканья по свету неутомимого «барса» («пардус»), с которым Святослава сравнивали летописи, престарелая Ольга оставалась в Киеве, как бы брошенном на произвол судьбы и никем не защищенном. За Днепром расстилалась степь, откуда свободно могли приходить кочевые хищники-печенеги.

Печенеги, действительно, пришли и обложили Киев. Обороняться было не кем, а помощи ждать неоткуда – Святослав со своею дружиною был далеко от Киева. Ольга заперлась в городе со своими маленькими внучатами и горстью киевлян. Хищники долго держали осаду, не отходя от стен города, откуда поэтому никто из осажденных не смел выйти, а потому Киев не мог даже подать вести Святославу об опасности, угрожающей его городу и его матери с детьми, ни собрать войска из окрестных земель. Осажденные начали терпеть голод. Воды также не было. Хотя за Днепром и собрались ратные люди в лодках, но, при своей малочисленности, не решались напасть на печенегов, а киевляне, отрезанные от Днепра, а вместе с тем и от этих ратных людей, тревожимые осадой, не могли даже послать им весть о своем бедственном положении.

Киевляне, – говорить летописец, – встужили и стали думать между собою:

– Нет ли кого, кто перешел бы на ту сторону и сказал нашим, что если завтра они не нападут на печенегов, то мы сдадимся.

– Я пойду, – отозвался один молодой человек.

– Иди! – закричали ему все.

Взяв в руки узду, молодой человек тихонько вышел из города. Он стал ходить между печенегами, и так как умел говорить по-печенежски, то осаждающие и приняли его за своего печенежина.

– Не видал ли кто моей лошади? – спрашивал он, ходя между печенегами.

Так он дошел до реки, не будучи узнан. На берегу он скинул с себя одежду, бросился в Днепр и поплыл на ту сторону. Только тут печенеги догадались, что их обманули, и стали пускать в плывущего киевлянина, но он успел отплыть далеко и печенежские стрелы не попадали в него. С своей стороны, русские ратные люди, стоявшие за Днепром, поспешили к нему на помощь с лодкой, взяли его из воды и перевезли на берег.

Он сказал ратным людям:

– Если не подступите завтра к городу, то люди хотят сдаться печенегам.

Воевода ратных людей, Претич, отвечал на это:

– Подступим завтра в лодках, как-нибудь захватим княгиню с князьями и умчим их на эту сторону, а то как воротится Святослав – погубит нас.

На другой день, на рассвете, ратные люди, поместившись в лодки, громко затрубили. Осажденные киевляне радостно откликнулись им на этот сигнал. Печенеги, вообразив, что это пришел сам князь с войском, испугались и отбежали от города. Ратные люди воспользовались этим замешательством неприятеля, пристали к Киеву, посадили в лодку Ольгу с княжатами и снова отплыли на другой берег Днепра. Печенеги видели это, но не могли понять, что делают киевляне. Печенежский князь воротился один к городу, приблизился к воеводе Претичу и спросил:

– Кто это пришел?

– Люди с той стороны, – уклончиво отвечал Претич.

– А ты князь ли? – снова спросил печенежский предводитель.

– Я княжой муж, и пришёл в сторожах, а по мне идет полк с князем, – бесчисленное множество войска, – сказал воевода, желая поугаждать печенега.

Это подействовало.

– Будь мне другом, – сказал печенег.

Претич изъявил согласие. Оба военачальника подали друг другу руки и взаимно одарили друг друга по тогдашнему обычаю. Печенежский князь дал Претичу коня, саблю и стрелы; Претич отдал печенега бронею, щитом и мечом.

Печенеги отступили от города, но так близко остановились, что киевлянам нельзя было и коней своих напоить: печенеги стояли на Лыбеде.

В этом безвыходном положении осажденные послали к князю за помощью.

– Ты, княже, ищешь чужой земли и её блюдешь, а от своей отрекся: без тебя нас чуть было не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми, – говорили Святославу посланцы киевские: – если не придешь, не оборонишь нас, то нас возьмут. Разве ж тебе не жалко отчины своей, ни старухи-матери, ни детей малых?

Тогда Святослав, немедленно посадив на коней свою дружину, прибежал с нею к Киеву, поздоровался с матерью, разгневался на печенегов, собрал рать и прогнал хищных варваров в степи.

Но в Киеве, на тихой родине, не сиделось этому беспокойному потомку варягов и прародителю будущих казаков запорожских, несмотря на то, что там оставались его маленькие дети и старуха-мать, уже бессильная защитить себя, как она когда-то защищала и свою землю, и своего малютку-сына, будущего «пардуса», от древлян, этого беспокойного Святослава, который теперь бросал и ее, и свою родину.

– Не любо мне в Киеве, – говорил он матери и боярам: – хочу жить в Переяславце на Дунае: там середина земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков золото, ткани, вина, овощи разные, от чехов и венгров – серебро и коней, из Руси – меха, воск, мед и рабов.

– Ты видишь, я уже больна, куда же ты уходишь от меня? – говорила. Ольга. – Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь.

Через три дня Ольга умерла. «И плакались по ней, – говорить летописец, – сын, внуки и люди все плачем великим.» Умирая, Ольга запретила править по себе языческую тризну, как она сама, будучи еще язычницей, правила ее по своему мужу на кургане под Коростеном. У нее был священник, который и похоронил ее.

Личность Ольги представляется идеалом женщины своего времени. Как на идеал женщины и мудрой правительницы земли русской смотрел на нее народ, создавший об этой женщине все вышеприведенные предания, в основании которых конечно лежала значительная доля исторической правды и факты действительно совершившиеся, но только уже изукрашенные впоследствии народным эпическим творчеством; как на идеал женщины своего времени

смотрел на нее и летописец, передавший нам, хотя смутно, образ этой первой исторической русской женщины на основании живых народных сказаний.

С современной нам точки зрения Ольга может казаться жестокою, мстительною и коварною; но жестокость и месть вызывались естественными законами, которыми управлялись тогдашние общества вместо законов писанных, – общества, считавшие кровную месть делом священным, а потому тот, кто жестче мстил, в глазах народа был истинным блюстителем закона. И народ действительно поставил Ольгу высоко в своем мнении: Ольгу он изобразил более хитрою, т. е. более мудрою, чем самые греки – этот, по тогдашним понятиям, коварнейший и лукавейший в мире народ. Оттого и Владимир, принявший православие и обративший в православие весь русский народ, называл свою бабушку Ольгу «мудрейшею из всех людей».

Наконец, Ольга является как законодательница и устроительница русской земли, в то время, когда еще не было писанного закона.

II. Малуша-ключница. – Рогнеда. – Анна-болгарыня. – Олова-варяжка. – Мальфреда-чехиня. – Адиль. – Преслава. – Ингигерда

После княгини Ольги на историческом поприще является несколько женских личностей; но они проходят почти незаметно, не как исторические женщины, а почти как исторические тени, и только некоторые из них, если и недостаточно явственно очерчиваются на общем фоне истории, однако же, и не окончательно теряются в общей массе событий.

Эти женщины были: Малка или Малуша, ключница княгини Ольги, сестра известного Добрыни и мать князя Владимира-Святого, а потом некоторые его жены, как-то: Рогнеда – полоцкая княжна, мать Изяслава, Ярослава и Всеволода; Анна-болгарыня, греческая царевна, мать Бориса и Глеба; Олова-варяжка, мать Вышеслава; Мальфреда-чехиня, мать Святослава; Адиль или Адель – мать Мстислава (Владимировичей); Преслава или Предслава – дочь Владимира; Ингигерда – дочь шведского короля Олова и жена Ярослава.

О Малке или Малуше известно только то, что она была сестра Добрыни, знаменитого «кормильца» и дяди Владимира Святого, и состояла ключницей при княгине Ольге, следовательно, по тогдашним общественным отношениям считалась «рабыней. Хотя многоженство в то время и было в обычае, как выражение языческих воззрений на брак, однако, когда Ольга узнала о брачной связи своего сына Святослава с ключницею-рабынею, она в гневе отослала от себя Малушу, которую не могла признать законною или «водимою» женою своего сына и которая в этом изгнании и родила сына Владимира, впоследствии «равноапостольного» просветителя русской земли. «Володимер бо бе от Малки, ключницы Ольгины, – говорит летописец, и бе рождение Володимеру в Будутине веси: тамо бо в гневе отослала ее Ольга, село бо бяше ея тамо.»

Вот все, что оставили нам летописи о Малуше, матери «Володимера стольно-киевского», самого любимого героя народных былин и популярнейшей личности во всей нашей древней истории, – Владимира, крестившая русский народ, Владимира, окруженного сонмом богатырей, одним словом, «Володимера красное солнышко». Только косвенно – сколько нам известно из тех же летописей – судьба Малуши, как рабыни, имела влияние на дальнейшую судьбу её сына и была источником немалых для него неприятностей: Владимира не хотели признавать – ни отец равноправным сыном с другими сыновьями, ни братья – равноправным братом, ни Рогнеда, полоцкая княжна, за которую он впоследствии сватался, не хотела признать Владимира достойным её руки, называя его «робичичем.»

Вот эти неприятности, невольною причиной которых была Малуша.

Святослав, сын Ольги, предпочитал, как мы видели выше, свое княжение в болгарском городе Переяславце княжению в Киеве. По смерти Ольги, он поспешил в свою любимую рези-

денцию, а старших сыновей своих: Ярополка посадил в Киеве, а Олега – в земле древлянской; только младшему Владимиру он не дал ничего, и именно потому, что тот был сыном рабыни. Новгород, оставшийся без князя, завидуя Киеву и древлянской земле, имевшим своих князей, послал к Святославу просить и для себя князя.

– Аще не пойдете к нам, – говорили послы новгородские Святославу, – то налезем князя себе (т.-е. поищем на-стороне).

Святослав отвечал: «А бы пошел кто к вам», т. е. «если бы был кто у меня, я бы послал его к вам», забывая или не желая помнить, что у него есть сын Владимир. Когда же спросили Ярополка и Олега – хотят ли они идти в Новгород, те отказались – «отприся Ярополк и Олег.» Не спросили только Владимира – его обошли.

Тогда Добрыня научил новгородцев: «Просите Владимира». Добрыне, брату Малуши, конечно желательно было, чтобы сын её, а его племянник, сделался князем в Новгороде. Новгородцы послушались совета Добрыни.

– Дай нам Владимира, – сказали они Святославу.

– Возьмите, – отвечал тот.

Сына Малуши, следовательно, забыли, как будто бы его и не было. Надо полагать, что он и жил с матерью в изгнании, в селе Будутине.

Затем, когда впоследствии Владимир, уже княживший в Новгороде, сватался за Рогнеду, эта гордая полоцкая княжна, понимая различие между Владимиром, сыном Малуши, и Ярополком, его старшим братом, рожденным не от рабыни, а от «водимой» жены, отвечала:

– Не хочу я за робичича, за Ярополка хочу.

* * *

Личность Рогнеды («Рогнедь»), в ходе исторических событий следующая за Малушей, выступает перед нами несколько рельефнее и очерчивается яснее не только этой последней, но и остальных исторических женских личностей того времени.

Как княжна, воспитанная до известной степени в понятиях своего княжеского рода, она без сомнения знала, что, при многоженстве, дети князей, рожденные от жен незнатного происхождения, не от княжон, а от рабынь, во всяком случае, не считались вполне равными детям матерей из княжеского рода, а потому понимала сама или научена была старшими, что если выбирать кого из двух женихов, то следует отдать предпочтение тому, который родился от матери княжеского рода. Вот почему молодая княжна отвечала: «Не хочу замуж за сына рабыни, а хочу я за Ярополка».

Дело в том, что когда, по смерти Святослава, сыновья его: Ярополк, княживший в Киеве, и Олег, сидевший в древлянской земле, стали враждовать между собою и последний погиб в битве, а Владимир, сидевший в Новгороде, боясь, чтоб и его не постигла участь брата, бежал за море и воротился оттуда с варягами, которых и повел на старшего брата, – Ярополк, желая заручиться сильным союзником для войны с братом, сосватал за себя дочь полоцкого князя Рогволода, Рогнеду. С своей стороны Владимир тоже желал иметь союзника в Рогволоде и, по совету Добрыни, послал к нему отроков, которые должны были сосватать за него молодую княжну, невесту Ярополка. Рогволод, поставленный между двумя сильными и опасными претендентами на руку его дочери, предоставил ей самой выбрать одного из двух представлявшихся ей женихов.

Вот тут-то гордая княжна и сказала отроку Владимира ту знаменитую историческую фразу, которая стала источником страшных бед для всей её родины, для её семьи и отравила затем всю её жизнь.

– Не хочу я за робичича, за Ярополка хочу, – вот та историческая фраза, которая сорвалась с языка молодой девушки, не предвидевшей, конечно, какая редкая в истории слава ожидает этого «робичича».

Когда отроки привезли Владимиру оскорбительный ответ Рогнеды, он, по совету того же пестуна своего и дяди, честолюбивого Добрыни, брата той женщины – Малуши, которую Рогнеда высокомерно назвала рабою, а по ней и сына её, князя Владимира, «робичичем», собрал сильное войско из варягов, новгородцев, чуди и кривичей, и двинулся на Полоцк, чтоб отмстить и за свое оскорбление, и за оскорбление матери, и, наконец, за оскорбление Добрыни, по-видимому руководившего всеми действиями юного князя. Нападение на Полоцк сделано было в то самое время, когда Рогнеду уже готовились «вести за Ярополка». Полоцк был взят, Рогволод с сыновьями убит, а Рогнеда взята, и волей неволей должна была сделаться женою «робичича».

Все это была, главным образом, месть Добрыни за оскорбление сестры его, а вместе с тем и его самого, почти самовластно управлявшая Новгородом за малолетством своего племянника. Гордый отказ Рогнеды был началом той жестокости, с которою действовал Владимир: за презрительный её ответ, Добрыня, а не кто другой желал, чтобы молодой княжне отомстили позором, гибелью отца и братьев, порабощением её родины – все это в характере того времени, как мы и видим из безыскусного рассказа летописца: «Яко Роговолоду держащую и владеющую и княжащую полотьскую землю, а Володимеру сущу Новегороде, детьску сущу еще и погану (некрещеному), и бе у него Дьбрыня воевода, и храбор, и наряден муж, и сей посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера.» Мы знаем презрительный ответ Рогнеды. «Слышав же Володимер, – продолжает летописец, – разгневался о той речи, оже рече: «не хочу я за робичича», пожалися Добрыня и исполнися ярости... и Добрыня поноси ему (Рогволоду) и дщери его, нарек ей робичича, и повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью».

Рогнеда, таким образом, была взята Владимиром против её воли. Не красна была её жизнь с этим мужем. Овладев всею русскою землею, полонив землю полоцкою – наследие Рогнеды, и утвердившись в Киеве, Владимир набрал себе много других жен: были у него, как известно и гречанки – вдова брата Ярополка, и болгарыни – Анна греческая – царица, и чехини – Мальфреда, и варяжки – Олова, и шведки – Ингигерда и т. д. Кроме пяти законных жен он имел 300 не «водимых» жен в Вышгороде, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове и много других, случайных, будучи, по выражению летописца, женолюбив как Соломон. За всем этим множеством жен Владимир почти не знал Рогнеды, из-за обладания которой было сделано столько жестокостей, пролито столько крови.

Рогнеда, как одна из первых жен князя по старшинству замужества и гордая своим родом, не могла перенести этого унижения, и решила отмстить Владимиру и свой позор, и его холодность, и гибель всего своего рода. У неё был уже от Владимира сын Изяслав, и она могла опасаться, что её унижение перенесется и на сына, уже подраставшего мальчика. Однажды, когда Владимир пришел к ней и уснул, Рогнеда решила зарезать его; но когда она занесла уже руку с ножом, князь проснулся и схватил ее за руку. Рогнеда сказала тогда мужу:

– Горько уж мне стало: отца моего ты убил, и землю его полонил из-за меня, а теперь – не любишь меня и младенца моего.

Тогда Владимир велел ей одеться во все княжеское одеяние, так как она одета была в день свадьбы, и на богатой постели дожидаться его. Владимир решил прийти и убить ее в том богатом наряде, в котором он видел ее еще невестою.

Хотя Рогнеда и исполнила все, что ей приказывал муж, но вместе с тем позвала своего маленького сына, дала ему в руки обнаженный меч и научила его сказать так:

– Смотри, когда войдет отец, ты выступи вперед и скажи ему: разве ты думаешь, что ты один здесь?

Ребенок исполнил, как научила его мать. Когда Владимир увидел сына, которого он не ожидал встретить в спальне Рогнеды, и услышал его слова, то сказал: «А кто ж тебя знал, что ты здесь!» И затем бросил меч, приказал созвать бояр и рассказал им все, что тут было. Этим он как бы просил бояр – своих советников – рассудить его с женою.

– Не убивай уж ее ради этого ребенка, – сказали бояре: – восстанови её отчину и дай ей с сыном.

Владимир не убил Рогнеды, но и не восстановил её отчины, плененного Полоцка с землею: он построил ей особый город, назвав его в честь сына – Изяславлем, и отдал этот город покинутой жене с её ребенком. С той поры, – говорит летописец, – внуки Рогволодовы враждуют с внуками Ярославовыми.

Впоследствии, когда Владимир сделался уже христианином и женился на Анне, греческой царевне, он послал к Рогнеде сказать:

– Вот я уже крещен, принял веру и закон христианский, а потому подобает мне иметь одну жену, которую я взял уже в христианстве. Выбери себе кого хочешь из моих вельмож, и я сочетаю тебя с ним.

На это Рогнеда отвечала с свойственной ей твердостью:

– Или ты один хочешь царство земное и небесное воспринять, а мне мало того, что этого временного царства не дал, но и будущего не хочешь дать? Ты ведь отступил от идольской прелести в сыновление Божие, а я была уже царицею и не хочу быть рабою ни земному царю, ни князю, но хочу уневеститься Христу и приму ангельский образ.

Около неё «сидел» в это время другой сын – Ярослав, будущий законодатель русской земли и будущий знаменитый «хромой князь плотников новгородцев», как над ним перед битвой насмеялся воевода Волчий-Хвост. Ярослав «сидел» потому, что не владел ногами – «бе бо естеством таков от рождения». Но когда он услышал слова отца, предлагавшего матери его выйти замуж, и ответ Рогнеды Владимиру, мальчик с плачем вздохнул и обратился к матери:

– О, мать моя! воистину ты царица царицам и госпожа господам!

И от этих слов он встал на ноги в первый раз в жизни, а до того времени совсем не ходил. Рогнеда же постриглась в монахини и названа была Анастасией.

Вот все, что нам известно о судьбе Рогнеды.

Почти в одно время и рядом с этой несчастной и замечательной женщиной на исторической сцене появляется греческая княжна Анна. Одни называют её «грекиней», другие – «болгарыней», славянкой из Болгарии. Весьма вероятно, что хотя Анна была греческая царевна, но родилась в Болгарии и от отца болгарина. Мать её, дочь византийского императора Романа, при котором Ольга приняла крещение, была замужем за болгарским царем, а во время Владимира в Византии царствовали её племянники-императоры Василий и Константин, приходившиеся двоюродными братьями царевне Анне. Вот почему Анна могла справедливо называться и «грекинею» и «болгарынею», и это не было ошибкой ни в том, ни в другом случае.

Когда Владимир, ещё будучи язычником, взял Корсунь или Херсон, принадлежавший грекам, убил тамошнего князя с княгиней и дочь их бывшую за Жильберном, то отправил, вместе с этим последним и своим воеводой Олегом, послов к греческим императорам Василию и Константину со следующим предложением:

– Я взял ваш славный город. Слышу, что у вас есть сестра в девицах: если вы не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет тоже, что с Корсунем.

На эту страшную угрозу могущественного язычника, опасную силу которых уже не раз испытывала Византия, испуганные императоры отвечали уклончиво, не смея прямо отказать Владимиру.

– Не подобает, – говорили они через послов своих: – христианам отдавать родственниц своих за язычников. Если ты крестишься, то и сестру нашу получишь, а вместе с тем и царство

небесное, и будешь нашим единоверцем. Но если не хочешь креститься, то мы не можем выдать за тебя сестры нашей.

Владимир велел сказать царским послам:

– Скажите царям, что я крещусь. Я уже прежде испытал ваш закон: любя мне вера ваша и служение, о которых рассказывали мне посланные от меня мужи.

Обрадованные таким ответом цари умолили Анну согласиться на брак с Владимиром, и когда получили её согласие, вновь отправили посольство в Корсунь.

– Крестись, – велели они сказать: – и тогда пошлем тебе сестру.

Но осторожный Владимир приказал послам своим передать императорам:

– Пусть крестят меня те священники, которые придут ко мне с вашей сестрою.

Греческим императорам ничего не оставалось, как исполнить желание Владимира, и потому они отправили свою сестру в Корсунь. Ее сопровождали и священники.

Молодая царевна боялась идти в неведомую страну, к варварам и язычникам.

– Иду точно в полон, – плакалась она: – лучше бы мне умереть здесь.

Братья уговаривали сестру принести для всей империи эту великую жертву и своей уступкой спасти и их самих и их царство. Они действовали на её молодое воображение, на её христианскую ревность.

– А что, – говорили они: – если тобою Бог обратит в покаяние русскую землю, а греческую избавит от лютой рати? Видишь, сколько зла наделала Русь грекам! И теперь, если не пойдешь, будет то же.

С трудом смогли уговорить они бедную девушку решиться на такую жертву – оторваться от всего дорогого и ехать в далекую сторону, к скифам, как понимали тогда русскую землю. Анна решилась пожертвовать собой, села на корабль, распростилась с родными и с горем отплыла в Корсунь.

Жители Корсуны, большею частью греки, встретили свою царевну с большим торжеством.

Во время приезда царевны, Владимир разболелся глазами так сильно, что совсем ничего не стал видеть, и очень скорбел об этом. Царевна велела сказать ему:

– Если хочешь исцелиться от болезни – крестись скорей, а если не крестишься, то и не вылечишься.

– Если поистине так случится, то и вправду велик будет Бог христианский, – отвечал на это Владимир.

Затем он объявил, что готов принять крещение. Корсунский епископ и прибывшие с царевною священники огласили об этом торжестве и крестили язычника. Едва только возложены были на крещаемого руки, он внезапно прозрел и воскликнул:

– Только теперь познал я истинного Бога!

Вслед за чудным исцелением Владимира крестились и многие из дружины князя.

Брак не замедлил совершиться, и Владимир возвратился из Корсуны в Киев уже с своею новою христианскою женою.

Вот в это-то время, конечно, когда Владимир предложил своей бывшей жене Рогнеде выйти замуж за любого из вельмож, Рогнеда пошла в монастырь, бросив свое языческое, но ставшее столь известным в истории, имя.

О дальнейшей же судьбе Анны почти ничего неизвестно: знаем только, что она умерла вдали от своей родины раньше своего мужа, а именно – в 1011 году.

Около этого же времени, как бы мимоходом, появляется на исторической сцене Преслава или Преслава, дочь Владимира и сестра злополучных юношей-мучеников Бориса и Глеба, но тотчас же и исчезает с этой сцены ужасов, убийств и кровопролитий.

Когда умер Владимир и об этом событии не могла еще дойти весть до Новгорода, где сидел сын его Ярослав, прозванный впоследствии «окаянным», успел умертвить брата своего

Бориса, чтоб одному быть властителем русской земли, Предслава тайно послала в Новгород сказать своему брату Владимиру: «Отец умер, Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, послал и на Глеба – берегись его!»

Затем Предслава появляется вновь, и также мельком, под 1017 годом, т. е. через два года после смерти отца. Польский король Болеслав еще раньше этого сватался за Предславу, но получил отказ. В отместку за это и для распространения своей власти на русском востоке, Болеслав пошел войной на Русь, разбил Ярослава, брата Предславы, и взял Киев. Здесь-то он и нашел Предславу. Желая отомстить позором дочери за отказ её отца, Болеслав взял несчастную княжну к себе в наложницы, вместе с другою сестрою, которой имя нам неизвестно.

Какая участь должна была ожидать Предславу в Польше – известий об этом наши летописи не сохранили.

Так же безвестно проходят перед нами жена Ярослава Ингигерда, дочь шведского короля Олофа, затем сестра Ярослава и Предславы – Доброгнева или Мария, которая в 1043 году выдана была в замужество за Казимира Польского и повезла с собою богатое приданое, по словам летописца; потом Анастасия, дочь Ярослава, отданная замуж за венгерского короля Андрея, Анна, выданная за французского короля Генриха I-го и знаменитая «дева русская» Елизавета – за Гаральда Норвежского.

О последней сохранилось в нерусских памятниках богатое поэтическое предание: как Елизавета пленила сердце Гаральда, как он старался геройскими подвигами заслужить её расположение, мыкался по морям, терпел страшные лишения, показывал чудеса храбрости, но все-таки долго не мог покорить русской красавицы, о чем и передает известная песня, которую будто бы пел Гаральд, – песня, оканчивающаяся (в русском переводе) известным припевом: «А дева русская Гаральда презирает...»

Хотя вообще положение русской женщины в это далекое от нас время представляется до того неясным, что даже немногие из них исторические личности, кроме Ольги, Рогнеды и Анны, проходят какими-то тенями перед глазами историка, однако по некоторым данным можно заключить, что положение это вполне соответствовало грубости нравов того времени, особенно же при естественном господстве и уважении материальной силы предпочтительно перед силами нравственными.

Правда, женщины княжеского рода, при малолетстве детей, управляют землей наравне с князем, имеют даже и при жизни князей свои дружины, как это подтверждают и слова Владимира в былинах: «Гой еси, Иван Годинович! возьми ты у меня, князя, сто человек русских могучих богатырей, у княгини ты бери другое сто»; жены, по смерти мужей, получают часть наследства, даже дочери, если у них не было братьев, и только при братьях сестры ничего не получают, почему братья обязываются выдавать их замуж; женщины провожают своих мужей на битву; княжеские жены имеют свои волости, как Рогнеда; князья иногда советуются со своими женами о делах, как Владимир с Анною о церковном устройстве, и проч.; но в тоже время языческое многоженство ставит женщину в самое обидное положение.

Что касается быта собственно княжеского, то в положении женщины замечается, в этот период времени, такая особенность, какой мы не замечаем в последующем ходе русской истории или по крайней мере видим ее гораздо реже: это то, что женами первых русских князей являются женщины всех национальностей – и «грекини», и «чехини», и «болгарыни», немецкие и варяжские княжны, равно и русские княжны уходят замуж далеко от родины: в Германию, Венгрию, Польшу, Норвегию и Францию.

Следующие за этим начальным периодом истории Русской земли столетием – одиннадцатое и двенадцатое – представляют какое-то беспорядочное брожение и борьбу элементов: князья-родичи враждуют из-за земель, из-за уделов, что, впрочем, продолжается до XV-го века; незаселенные земли постепенно, хотя медленно, заселяются; яснее обозначается русская жизнь в отдельных русских областях – Суздальской, Владимирской, Киевской, Новгородской, Галиц-

кой и т. д. Вся поглощенная борьбою своих собственных элементов и отражением от своих областей кочующих соседей-печенегов, потом половцев, торхов, берендеев, черных-клубуков – Русь как бы забывает о варягах и греках, и надолго замыкается в себе самой, в своем собственном внутреннем историческом росте.

В этой борьбе элементов и в процессе этого внутреннего постепенного гражданского роста женщина показывается редко, в неясных или слишком общих очертаниях, так что ни одна женская личность не выявляется даже в тех неясных образах, в каких выявились, например, Ольга, «переключававшая» греческого императора, гордая Рогнеда, не хотевшая «разуть робичича», Елизавета, прославленная песнью Гаральда.

Целых два века дают нам каких-нибудь две-три женщины личности, о которых летописцы упоминают вскользь, случайно, как например о том, что какая-то сердобольная попадья, недалеко от Юрьева, сжалившись над страданиями ослепленного братьями Василька, вымывает кровавую сорочку этого несчастного князя, когда он лежал в беспамятстве, и потом поит его водой, когда больной приходит в себя, или о том, что княгиня Рогнеда (другая), сестра князя Ростислава, бывшая замужем за Олегом, князем Северским, уговаривает умирающего брата не покидать ее, а «лечь в построенной им церкви» в том городе, где живет Рогнеда, или, наконец, о том, что Ольга, несчастная жена знаменитого князя Ярослава Владимировича Галицкого, упоминаемого в «Слове о полку Игоря», под именем «Осмомысла» и променявшего свою жену на какую-то Настасью, убегает из Галича в Польшу с сыном Владимиром, а галичане, схватив возлюбленную Осмомысла сжигают ее на костре, а потом бунтуют против сына Осмомысла от этой Настасьи – Олега, в пользу другого сына Осмомысла и Ольги, Владимира, которого отец обидел в пользу Олега, рожденного от более дорогой для него женщины, чем его жена: все это такие случайные явления и представляются в таких неопределенных очертаниях, что о них больше и сказать нечего.

Несколько явственнее рисуется одна только женская личность за все эти двести лет – это жена Романа, князя Галицкого, который, по преданию, «пахал Литвою».

У нее на руках после мужа осталось два сына-младенца, Даниил и Василько, права которых она энергически отстаивает от враждебных родичей, князей других уделов, спасает своих детей в чужих землях, ищет себе помощи и в Венгрии, и в Польше, и наконец добивается того, что маленького Даниила избирают князем в Галиче, в столице его отца, а другого малютку – Василька – в Бельзе. Но бояре-галичане, привыкшие самовластно управлять городом, не желают, чтобы ребенок-князь находился под руководством умной матери, и когда она приезжает к сыну, ее заставляют удалиться из Галича. Ребенок-князь не хочет оставаться без матери, плачет, и, когда шумавинский тиун хочет насильно отвести его коня, на котором он ехал за удаляющеюся от него матерью, малютка-князь выхватывает меч и бьет тиуна, но бес- сильная рука ранить своего собственного коня. Мать вырывает меч у маленького Даниила, успокаивает его и уезжает к другому сыну – Васильку.

Вот почти и все, что можно сказать о русских исторических женщинах XI-го и XII веков, хотя, конечно, гораздо больше можно было бы сказать вообще о положении женщины в то время. Но целью наших очерков мы поставили себе не общую характеристику положения женщины в России, а только краткое ознакомление с более. или менее выдающимися историческими женщинами, почему и переходим к последующим периодам истории Русской земли.

**III. Княжна Сбыслава. – Княжна Измарагд. – Княгиня
Верхуслава. – Гертруда, княгиня Галицкая. – Ольга,
княгиня Волынская и ее приемный Изяслав. –
Княгиня Кончака-татарка. – Елена Омулич, служанка
Анны, княгини Литовской. – Александра, княгиня
Нижегородская. – Ульяна, княгиня Вяземская**

За удельными уособицами, от которых почти два столетия страдала и обливалась кровью Русская земля, следуют годы еще более тяжелых для неё испытаний – это так называемое «Монгольское иго», под которым в течение еще двух столетий буквально стонала и обливалась кровью Русская земля.

Во все предшествовавшие три столетия женщина являлась на исторической сцене, как тень. Теперь она еще более прячется в свой терем, или в монастырь, или в бедную избушку, чтоб не увидал татарин, и летописец молчит о ней, потому что её нигде не видать, ни в каких делах она не принимает участия, а если и бывает иногда заметно её присутствие, если и упоминается её имя, так разве тогда только, когда она родится и воспринимается от купели, когда выходит замуж, постригается в монастырь, или же появляется в последний раз в погребальной процессии.

Такими безличными тенями на общем историческом фоне являются княжна Сбыслава – четвертая дочь великого князя Всеволода, княжна Измарагд – дочь Ростислава Рюриковича, и некоторые другие. О первой летописец заносит известие в свой хронограф, наполненный перечислением княжеских родовых уособий и споров из-за волостей, что «родися у великаго князя Всеволода четвертая дочи, и нарекоша имя во святом крещенш Полагья, а княже Сбыслава» – вот и все. А что было потом с этой княжной Полагьей (Пелагия) или «по-княжески», «по-варяжски» Сбыславой – летописец уже не говорит: она совершенно потерялась для него из виду.

С таким же летописным лаконизмом заносит бытописатель в свою «Повесть временных лет» и имя другой княжны – Измарагды, которую потом как бы совсем забывает, потому что личность её ничем не проявилась в истории Русской земли. «Родилась дочь у Ростислава Рюриковича, – читаем у летописца под 1198 годом, – и назвали ее Евфросиньей, прозванием Измарагд, т. е. «дорогой камень». Когда крестили эту маленькую княжну, то на крестины приехал знаменитый князь Мстислав-Удалой и тетка новорожденной Передслава; взяли ее потом к деду и бабке в Киев, где она и воспитана была «на Горах».

После этого княжна Измарагда бесследно исчезает со страниц истории.

На более долгое время появляется на этих страницах княжна Верхуслава – дочь великого князя Всеволода III, но опять-таки появляется она только в трех случаях жизни: когда ее, восьмилетнего ребенка, выдавали замуж, потом, когда она приезжала от мужа в свой родной город проводить в монастырь свою больную мать, при жизни мужа и отца Верхуславы, постригшуюся в инокини, и, наконец, когда она оказывает покровительство Печерскому черноризцу Поликарпу, искавшему епископства.

Вот трогательное описание свадебных проводов восьмилетней Верхуславы:

«Посла князь Рюрик (княживший в Белгороде) Глеба, князя Туровского, шурина своего с женою, славна тысяцкаго с женою, Чурыню с женою, и других многих бояр с женами, к Юрьевичу Великому Всеволоду, в Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына его Ростислава. На Борисов день отдал великий князь Всеволод дочь свою Верхуславу, и дал за нею бесчисленное множество золота и серебра, и сватов одарил большими дарами, и отпустил с великою честью. Ехал он за милою своею дочерью до трех станов, и плакали по ней отец и мать, потому что

была она им мила и молода, только осьми лет. Великий князь послал с нею сына сестры своей Якова с женою и иных бояр с женами. С своей стороны князь Рюрик сыграл сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси: пировали на ней слишком двадцать князей; снохе же своей дал много даров и город Брагин; Якова-свата и бояр отпустил к Всеволоду в Суздаль с великою честью, одаривши их богато».

После этого Верхуслава является в печальной процессии провод своей матери в монастырь. Мать её, княгиня Мария, как мы видели выше, была жена великого князя Всеволода III Юрьевича. Она восемь лет страдала неизлечимой болезнью, и, при живом муже и с его согласия пошла в монастырь, чтобы там вскоре и умереть в «ангельском чине». Вот на эти-то грустные проводы и приезжала дочь её Верхуслава. «Постриглась, – говорит летописец, – великая княгиня в монашеский чин, в монастыре святой Богородицы, который сама построила, и проводил ее до монастыря сам великий князь Всеволод со многими слезами, сын его Георгий, дочь Верхуслава, жена Ростислава Рюриковича, которая приезжала тогда к отцу и матери; был тут епископ Иоанн, духовник ее игумен Симон, и другие игумены и чернецы все, и бояре все и боярыни, и черницы из всех монастырей, и горожане все проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всех очень добра. В этом месяце она умерла, и плакали над нею великий князь, и сын его Юрий плакал, и не хотел утешиться, потому что был любим ею».

Наконец, еще раз является Верхуслава, как покровительница иноков, как лицо уже самостоятельно действующее на том поприще, которое всего более было доступно и по сердцу женщине XIII века. Верхуслава упоминается в письме Симона, епископа Владимирского и Суздальского к Поликарпу, Печерскому черноризцу, проявившему честолюбивое желание быть возведенным при протекции Верхуславы, в сан епископа.

«Пишет ко мне княгиня Ротиславова, Верхуслава, – говорится в письме Симона, – что хочет поставить тебя епископом или в Новгород, или в Смоленск, или в Юрьев; пишет: «не пожалею и тысячи гривен серебра для тебя и для Поликарпа». Я ей отвечал: «дочь моя Анастасия (имя Верхуславы крестное, а не княжеское)! дело не богоугодное хочешь сделать: если бы он пробыл в монастыре неисходно с чистою совестью, в послушании игумену и всей братии, трезвясь во всем, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и высшего царства достоин был бы».

Так как в то время русская земля продолжает еще воевать, а иногда и дружить с половцами, то русские князья женятся иногда на половецких княжнах; но и половчанки, как и русские княжны и княгини, бесследно проходят в истории Русской земли. Были случаи, что и русские княгини, по разным обстоятельствам убегали в половецкую землю и там выходили замуж за половецких князей. Так к половцам бежала внучка Владимира-Мономаха, дочь князя Всеволода Городенского, жена князя Владимира Давыдовича и мать князя Святослава Владимировича. «Приде же, – говорит летописец, – Изяславу болши помочь Белугороду – приде бо к нему Вашкорд в 20 тысяч, отчим Святославль Владимировича: бе бо мати его бежала в половцы, и шла за не» (т. е. вышла замуж за Башкорда-половчанина).

Равным образом, когда татары завоевали Русскую землю, русские князья начинают жениться в орде, выпрашивая себе в жены дочерей ханов, чтобы этим родством укрепиться в Русской земле или отнять уделы у противников. Но как русские женщины, как половчанки, так равно и княжны-татарки, вступая на Русскую землю, проходят по ней как бы мельком, не оставляя иногда даже и своего имени в летописных сказаниях.

Встречаются иногда, хотя конечно редко, случаи, когда женщина оказывает влияние и на общественные дела, как мать, как старшая в семье, как почетное лицо; но и, тут летописец не считает даже нужным упоминать ее имя, потому что явление это и в его глазах кажется случайным, и, раз указав на такое женское лицо, он долго не останавливается на нем и в другой раз уже к нему не возвращается,

Во время борьбы князя Даниила Романовича Галицкого с князем Александром Бельзским, сторону последнего держит боярин Судислав, союзник венгров и советник Венгерского королевича, претендовавшего на Галич. Венгерский король в союзе с Александром Бельзским и Судиславом, идет к Галичу на князя Даниила. Воевода этого последнего, Давид Вышатич, запирается в Ярославле и мужественно отбивается от венгерской рати. Но у Вышатича есть теща, большая приятельница Судислава, который не иначе называет ее, как матерью. Эта женщина, из приязни к Судиславу, страшит своего зятя Вышатича невозможностью долго защищаться от венгерской рати. Тщетно товарищ его, Василько Гаврилович «муж крепкий и храбрый», уговаривает его не сдаваться; тщетно переметчик, ушедший от венгров в Ярославль, открывает осажденным, что венгерская рать долго не может простоять под городом, что она не в силах овладеть крепостью, – теща Вышатича побеждает его своими запугиваниями в пользу своего приятеля Судислава, и воевода Вышатич слушается тещи, сдает город венграм.

Другая подобная же теща лишает удела своего зятя в пользу своего внука, как это мы видим под 1249-м годом. Умирает князь Василий Всеволодович Ярославский и не оставляет после себя наследника. Прямой наследницей удела остается дочь покойного князя, которая и начинаешь княжить над своею землею с помощью матери. Желая передать правление уделом в мужские руки, княгиня-мать находит для княжны-дочери жениха в князе Федоре Ростиславиче Можайском, обиженном братьями. От брака Федора Ростиславича с княжной Ярославской рождается сын Михаил. Когда князь Федор, по обычаю того времени, поехал на поклон в Орду, жена его умерла, оставив малолетнего сына на руках бабушки. Эта последняя, подумав со своими боярами, провозгласила ярославским князем малолетнего Михаила, а когда отец его воротился из Орды – затворила перед ним ворота Ярославля и не пустила его в город. Федор вновь отправился в Орду, снискал милость хана, женился на его дочери и, при помощи могущественного родственника, победил свою первую тещу, овладев Ярославлем, тем более, что сын его от первой жены, князь Михаил, в это время умер.

При родовых и удельных усобицах женщина того времени нередко является жертвою произвола и насилия и, вместе с тем, невинным источником новых смут в Русской земле.

У Миндовга, литовского князя, умирает жена (1262 г.). Другая сестра этой умершей – за Довмонтом, князем Нальщанским. Миндовг посылает сказать жене Довмонта:

– Сестра твоя умерла – приезжай сюда поплакаться по ней.

Жена Довмонта приезжает.

– Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей её не мучила, – говорит ей Миндовг, и женится на замужней сестре своей умершей жены.

Оскорбленный Довмонт соединяется с сыном сестры своего врага Миндовга, с Тренятою, убивает Миндовга с двумя сыновьями. После этого еще долго стоят смуты в литовской земле, долго льется кровь враждующих между собою областей.

Дочь австрийского герцога Фридриха, молодая Гертруда, выходит замуж за князя Романа Даниловича Галицкого, и так как этот брак дает галицким князьям право искать австрийских земель, то разгорается долгая война галицких князей с Австрией и Чехией. Гертруда с мужем подвергаются всем случайностям войны, долго томятся в осаде, долго голодают, кормятся только с помощью преданной им женщины и едва спасаются от плена.

В большинстве случаев женщина выносить немало горя и лишений в это тяжелое время, редко даже видит мужа, постоянно живет в страхе за свою свободу и за жизнь детей, и всегда представляется существом, заслуживающим искреннего сочувствия, особенно же при ее страдательном положении между враждующими силами.

Так не менее страдательную роль играют в это время княгиня Ольга, жена князя Владимира Васильковича Волынского, и приемыш их Изяслава, обе столь нежно любимые: первая – мужем, а последняя – нареченным отцом. Татары только что опустошили Русскую землю и через Волынь и Галичину идут на Польшу. Татарский вождь Телебуга на пути своем в Польшу

велит идти с собою всем русским князьям – и они повинуются, идут как данники и «улусники» страшного хана. Идет с ним и Владимир Василькович Волынский, человек больной – у него гнила нижняя челюсть.

Перед походом в Польшу, больной Владимир, в нежной заботливости о своей княгине Ольге и приемыше Изяславе, хочет обеспечить их судьбу и призывает к себе двоюродного брата Мстислава Даниловича Луцкого, которому и отдает все свои владения, после своей смерти, выделив часть в пользу жены и приемыша и прося брата не обижать их, а защищать от обид других. В походе он окончательно разбаливается и возвращается домой, потому что, говорит летописец, жалко было смотреть на него.

Пробыв несколько дней в своем Владимире-Волынском, окруженный заботами Ольги и приближенных, он начал говорить княгине и боярам:

– Хотелось бы мне поехать в Любомль, потому что погань эта (татары) сильно мне опротивела. Я человек больной, нельзя мне с ними толковать, – пусть вместо меня останется здесь епископ Марк.

Княгиня повезла больного куда он хотел – в Брест, из Бреста в Каменец, где больной и слёг, говоря княгине:

– Когда эта погань выйдет из земли, то поедem в Любомль.

Через несколько дней приехали слуги, бывшие с татарами в походе.

Больной стал спрашивать их, ушел ли Телебуга из Польши, как здоровье братьев Льва и Мстислава и племянника Юрия. Слуги при этом сказали, между прочим, что Мстислав уже раздаст своим боярам города и села Волынские, когда больной князь еще не умер и княгиня его с Изяславой не обеспечены. Владимир сильно рассердился на брата, особенно когда в перспективе он мог видеть отнятие волостей у нежно любимых им Ольги и Изяславы.

– Я лежу болен, – говорил он: – а брат придал мне еще болезни: я еще жив, а он уже раздаст города мои и села; мог бы подождать, когда умру. – И отправил посла к Мстиславу.

– Брат! – говорил он через посла: – Ведь ты меня ни на полону взял, ни копьем добыл, ни ратью выбил меня из городов моих, что так со мною поступаешь? Ты мне брат, но ведь есть у меня и другой брат – Лев, и племянник Юрий. Из всех троих я выбрал тебя одного и отдал тебе свою землю и города, по своей смерти, а жив – тебе не вступаться ни во что. Я так распорядился – отдал тебе землю – за гордость брата Льва и племянника Юрия.

Мстислав поспешил успокоить больного и снять с себя обвинение.

– Брат и господин! – доказывал он брату через посла: – земля Божия и твоя, и города твои, и я над ними не волен, сам я в твоей воле, и дай мне Бог иметь тебя как отца и служить тебе со всею правдою до смерти, чтоб ты, господин, здоров был, а мне главная надежда на тебя.

Люба была, – говорит летописец, – эта речь Владимиру. Он успокоился, и княгиня повезла его в Райгород. Здесь он говорит Ольге:

– Хочу послать за братом Мстиславом – урядится с ним о земле, и о городах, и о тебе, княгиня моя милая Ольга, и об этом ребенке Изяславе, которую люблю как дочь родную: Бог за грехи мои не дал мне детей, так эта была мне вместо родной, потому что взял ее от матери в пеленках и вскормил.

На зов больного брата приехал Мстислав. Владимир поднялся с постели, сел, спрашивал про поход. Мстислав все рассказал по порядку, затем простился и ушел к себе на подворье.

Владимир послал к нему епископа и двух бояр.

– Брат! я затем тебя призвал, что хочу урядиться с тобою о земле и о городах, и о княгине своей и о ребенке Изяславе, – хочу грамоты писать.

– Брат и господин! – отвечал Мстислав: – я разве хотел искать твоей земли по твоей смерти? Сам ты приехал ко мне в Польшу объявить, что отказываешь мне свою землю. Если хочешь грамоты писать, то пиши как Богу любо и тебе.

Епископ воротился с этим ответом, и Владимир велел писцу писать грамоты: в одной он отказал Мстиславу всю землю и города; в другой – жене отказал город Кобрин с несколькими селами и монастырь апостольский с селами.

«А княгиня моя, – говорилось в конце грамоты, – захочет идти в монастырь после меня, пусть идет; а не захочет – то как ей любо: мне ведь не смотреть, вставши из гроба, что кто станет делать по моей смерти».

– Целуй крест на том, – сказал он Мстиславу: – что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяслavy, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочет княгиня моя, за того отдашь.

Из Райгорода Ольга повезла его в Любомль, где он и умер (1288 г.). Княгиня и придворные слуги обмыли тело, обвили его бархатом и кружевами, как следует хоронить царей, и в санях повезли во Владимир. Это было 10 декабря.

Замечателен образчик причитанья, оставленный нам летописцем, причитанья, которым Ольга оплакивала своего мужа при похоронах. Вот оно: «Царь мой добрый, кроткий, смиренный, правдивый! Вправду называли тебя в крещеньи Иваном – всякими добродетелями похож ты был на него: много досад принял ты от сродников своих, но не видала я, чтоб ты отместил им злом за зло». Достойно замечания, что в этих же самых выражениях голосила (причитала) жена Смоленская князя Романа, когда тот умер. – А бояре причитали над Владимиром Волынским: «Хорошо б нам было с тобою умереть: как дед твой Роман, ты освободил нас от всяких обид, поревновал ты деду своему и наследовал путь его; а уж теперь нельзя нам больше тебя видеть: солнце наше закатилось, и остались мы в обиде»...

Так, – говорит летописец, – плакали над ним множество владимирцев: мужчины и дети, немцы, сурожцы, новгородцы; жида плакали точно так, как отцы их, ведомые в плен вавилонский.

Таким образом, и Ольга и Изяслава попадают на страницы истории только в виде пояснений и в виде усиливающих впечатление красок в трогательной картине смерти Владимира Волынского, и личности эти являются глубоко симпатичными потому собственно, что на них перенесена нежная заботливость умирающего князя.

Из числа татарских княжон, бывших в замужестве за русскими князьями, несколько более других выдается Кончака, да и то не своею личностью, а тем, что она была невольной причиной ужасной смерти князя Михаила Александровича Тверского, замученного в Орде.

Во время борьбы Твери и Москвы за первенство, в начале XIV-го столетия, сильно враждовали между собою князья Московский и Тверской. Тверской князь Михаил, желая выслужиться пред ханом, обвинял князя Юрия Даниловича Московского в происках и неповиновении Орде. Юрий отправился в орду, оправдался перед ханом и не только заслужил его расположение, но до того сблизился с повелителем Русской земли, что тот выдал за него сестру свою Кончаку. Кончака приняла христианство и при крещении названа Агафьей. Юрий воротился из Орды с женою и с татарским посольством, во главе которого стоял Кавгадый. Михаил тверской, узнав об этом, пошел с своею ратью навстречу противнику. В битве недалеко от Твери, в селе Вортеноне, Юрий Московский был разбит и бежал, а жена его Кончака и многие бояре взяты в плен Михаилом Тверским. Хотя Юрий после того и подступил с войском к Твери, но битвы противники не дали друг другу, а согласились идти в орду и отдать свой спор на решение хана (1317 г.). К несчастью для Тверского князя, его пленница, княгиня Кончака-Агафья, умерла, не дождавшись освобождения из плена и конца спора своего мужа с противником. Это обстоятельство послужило поводом к обвинению Михаила Тверского. Распущен был слух, что Кончаку отравили в Твери, и этого слуха с лишком достаточно было для Юрия Московского, чтоб очернить своего врага в глазах хана, хотя, быть может, Московский князь и сам не верил, что жена его отравлена. Михаил Александрович Тверской должен был

явиться в Орду, где ему поставили в вину смерть Кончаки, и несчастный князь, как известно, погиб там мученической смертью.

Тело же Кончаки было привезено мужем в Москву и там предано земле с подобающими почестями.

Из женщин не княжеского рода ярко выделяется в это время одна личность своим героическим самоотвержением, по характеру своему напоминающим легендарный героизм классических женщин древней Греции и Рима. Это – Елена, служанка княгини Анны, жены Витовта Литовского, исторический подвиг которой относится к истории Литовской Руси.

Во время борьбы великого князя литовского Ягайла с Кейстутом и сыном его Витовтом, последние, при осаде города Трока, хитростью были завлечены Ягайлом в свой стан, закованы в железа и увезены в Крево, в тамошнюю укрепленную тюрьму. Старик Кейстут на пятую ночь был удушен по приказанию Ягайла, а Витовт, в то время больной, оставался пока в тюрьме. Жене Витовта, княгине Анне, позволено было навещать больного мужа каждый день. Она ходила к нему в темницу с двумя служанками, и навещала его до тех пор, пока он не выздоровел, хотя и притворялся больным перед своими врагами. Когда Анна получила от Ягайла позволение одной выехать в Моравию, то в ночь накануне отъезда она, в сопровождении тех же служанок, явилась к мужу проститься и замешкалась у него долее обыкновенно. Это было сделано для того, чтобы дать время одной из служанок, по имени Елена Омулич, перерядиться в платье Витовта и вместо него лечь в постель, а Витовту дать возможность одеться в платье служанки. Переряженным он вышел из тюрьмы вместе с женою. Там они спустились со стены, сели на лошадей, уже заранее приготовленных для беглецов тиуном из Волковыска, приверженным Витовту, и ускакали в Брест, а оттуда на пятые сутки достигли Плоцка.

В Крево же только на третий день узнали, что в постели Витовта лежит служанка его жены Елена. Последняя, конечно, поплатилась жизнью за свое великодушие.

Насколько вообще беспокойная, воинственная жизнь того времени отражалась на положении женщины, на большей или меньшей степени её спокойствия и благосостояния, наконец, на ее личной деятельности, видно из того, что значительный процент женщин спешить укрыться в монастыри, где все-таки, сравнительно, жизнь представлялась более обеспеченною, менее тревожною. Те из женщин и девиц, которые оставались в мире, нередко разделяли голод, плен и смерть со своими мужьями, братьями. Нередко, впрочем, женщины становились посредницами и примирительницами между воюющими мужьями, братьями и другими родственниками, как напимер сестра Михаила Александровича Тверского, бывшая замужем за Ольгердом, великим князем Литовским, не один раз вымаливала слезами своего могущественного мужа помощь брату, теснимому московским князем Дмитрием Донским и нередко искавшему убежища в Литве. С другой стороны, Елена, дочь этого же сильного Ольгерда, вышедшая замуж за князя Владимира Андреевича Серпуховского, героя Куликовской битвы, выплакивает спокойствие уделу своего мужа. Княгиня Александра, жена нижегородского князя Семена Дмитриевича, всю жизнь свою мыкалась по Руси и по татарским землям вместе с несчастным мужем, которого выбивал из нижегородского удела племянник, московский князь Василий Дмитриевич, сын Донского. Раз мужу ее удалось выхлопотать у татар вспомогательную рать на своего противника, князя московского: князь Семен пришел в свой удел с татарским царевичем Ейтяком и тысячею татар, выбил из Нижнего московскую рать с боярами и овладел своим уделом; но скоро московский князь с своей стороны выбил его из Нижнего, и он должен был с женою Александрою бежать в Орду, укрываться от московских врагов на Волге, где-то в мордовской земле, прятать жену в монастыре. Но злополучная беглянка была найдена и в мордовской земле, в месте, называемом Цыбирца (полагают, что это Симбирск или Цивильск), у святого Николы, где басурманин Хизибат поставил церковь. Княгиню Александру ограбили там московские ратники, вместе с детьми привезли на Москву, заключили потом на дворе Белеутове, где несчастная жертва удельных смут сидела до тех пор,

пока муж ее не покорился окончательно. Тогда ее вместе с больным мужем отправили в Вятку, где князь Семен через несколько месяцев и умер, оставив жену с детьми без всякой вотчины. «Этот князь, – говорит летописец, – испытал много напастей, претерпел много истомы в орде и на Руси, все добиваясь своей отчины. Восемь лет не знал он покоя, служил в орде четверем ханам, все поднимая рать на великого князя московского; не имел он своего пристанища, не знал покоя ногам своим – и все понапрасну». Эту же истому и скитальческую жизнь должна была, как мы видели, выносить и жена его, бесприютная Александра.

Незавидное положение женщины того времени и относительно грубость нравов можно видеть в трагической судьбе княгини Ульяны, жены князя Семена Мстиславича Вяземского.

Князь Вяземский, лишенный своего удела, нашел убежище в Торжке, где и жил с своею молодою женою. Там же находился, в качестве великокняжеского наместника, князь Юрий Смоленский, тоже потерявший свой удел. Юрий влюбился в княгиню Ульяну, и, не находя в ней взаимности, убил ее мужа, чтоб легче воспользоваться беззащитным положением жены. Ульяна, однако, при нападении Юрия, защищалась и схватила нож; но, не попав в горло своему насильнику, поранила его только в руку, и бросилась бежать. Юрий догнал ее на дворе, изрубил мечом и велел бросить в реку. Но такой зверский поступок не мог быть терпим даже в тогдашнем грубом обществе, и летописец горько обвиняет убийцу, говоря, что его покарали и люди, и совесть. Летописец замечает об убийце несчастной княгини: «и бысть ему в грех и в студ велик, и с того побеже к орде, не терпя горького своего безвременья, срама и бесчестия». Юрий ушел потом в Рязанскую землю, где и жил у пустытника Петра, плачась о грехах своих, как говорит летописец.

IV. Софья Витовтовна

Более рельефно из целого ряда всех упомянутых в предыдущей главе бесцветных женских личностей выступает княгиня Софья Витовтовна, жена великого князя Василия Дмитриевича Московского, сына Дмитрия Донского, и мать великого князя Василия Темного.

Софья Витовтовна составляет уже переход к женским историческим личностям более нового времени, между которыми мы увидим впоследствии знаменитую Марфу Посадницу, Софью Палеолог, Елену Ивановну – великую княгиню литовскую и королеву польскую, Елену Глинскую – мать Грозного и других.

В 1386 году, Василий Дмитриевич московский, еще не будучи великим князем, спасался бегством от Тохтамыша. Из орды он пробрался в Молдавию, оттуда во владения ливонского ордена и потом в Литву. По пути он виделся с Витовтом литовским и дал ему слово жениться на его дочери Софье. Как только Василий Дмитриевич стал великим князем (в 1389 году), то на другой же год отправил трех бояр за своею невестою, которые и привезли Софью в Москву, «из-за моря, от немцев», как выражается летописец.

Около семидесяти лет жила Софья Витовтовна в Москве, пережила своего мужа, лично участвовала, как умная и энергичная женщина, в великом «собирании Русской земли», помогала своему сыну в управлении землею, попадалась в плен к врагам, выдерживала в Москве осады татар и других противников Московского княжества и вообще значительно возвысила собой положение женщины в Русской земле, положение – столь обесцвеченное и приниженное удельными смутами и татарщиной.

После тридцатипятилетнего замужества Софья Витовтовна овдовела (в 1425 году). При жизни мужа, князя Василия Дмитриевича, деятельность Софьи Витовтовны мало проявлялась; но оставшись вдовой с малолетним сыном, великим князем московской земли, она поставлена была в необходимость оберегать отчину своего сына от притязаний других удельных князей, и с честью отстояла главенство Москвы в ряду прочих, еще тогда могущественных удельных княжеств. После смерти мужа, Софья Витовтовна ездила в гости в отцу (в 1427 г.) и на время

своего отсутствия, поручала маленького своего сына Василия Васильевича и всё московское княжество князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому, дяде князя Василия.

В 1430 году Витовт, отец Софьи, умер, и для этой замечательной женщины началась с тех пор более трудная политическая жизнь, исполненная всяких тревог и опасений за целостность своей земли. Юрий Дмитриевич Звенигородский, по смерти Витовта, не опасаясь уже Литвы, которая могла вступить за Софью Витовтовну и ее сына, начал враждовать против Московского князя, и надо было немало труда, чтобы отстоять перед ханом великокняжеское первенство молодого Московского князя, у которого в орде явился такой сильный противник, как Юрий Звенигородский. Софья же Витовтовна, благодаря своему влиянию на сына, помешала ему вступить в неравный брак с дочерью одного из своих бояр. Когда он был в Орде и там должен был бороться против происков своего врага, Юрия Звенигородского, то в этом деле много помог ему московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, который ловкой лестью хану способствовал неопытному еще тогда Василию Васильевичу удержать за собою первенство между удельными князьями, именно звание старейшего или великого князя, чего особенно добивался его звенигородский противник. За эту услугу молодой московский князь обещал Всеволожскому жениться на его дочери. Но Софья Витовтовна не позволила этого сыну. Она настояла на том, чтобы великий князь женился на княжне Марье Ярославне, внучке князя Владимира Андреевича. Всеволожский, обиженный этим, перешел на сторону врага великого князя, Юрия, и тем увеличил собою число противников Москвы.

Но оригинальный случай на свадьбе великого князя стал поводом к тому, что вражда между московским князем и Юрием возгорелась с особенной силой и сделала противников смертельными врагами друг другу.

Когда вражда эта еще не превратилась в открытую борьбу, на свадьбе молодого московского князя пировали сыновья Юрия, знаменитые Василий Косой и Димитрий Шемяка. Косой приехал на свадьбу в богатом золотом поясе, усаженном дорогими камнями. Один из старых бояр, бывших тоже на свадьбе, рассказал Софье Витовтовне и другим гостям историю этого замечательного пояса. Пояс этот дан был суздальским князем Дмитрием Константиновичем в приданое за дочерью Евдокией, когда она выходила замуж за Дмитрия Донского. Следовательно, пояс переходил, таким образом, в род московских князей. Тысяцкий Василий Вельяминов, бывший последним на Руси тысяцким в том важном значении, какое в древности соединялось в русской земле с этим званием, и, по обычаю времени, игравший первую распорядительную роль на княжеской свадьбе, похитил этот пояс и подменил его другим, гораздо меньшей ценности, а настоящий отдал своему сыну Николаю, за которым была другая дочь князя Дмитрия Константиновича суздальского – Марья. Николай Вельяминов, с своей стороны, отдал знаменитый пояс за дочерью, которая вышла за боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, того самого, которого так обидел великий князь, не сдержав слова относительно женитьбы на его дочери. Всеволожский отдал пояс за свою дочь, вышедшей замуж за князя Андрея, сына Владимира Андреевича, а по смерти Андрея, обручив его дочь, а свою внучку, за Косого, подарил ему и исторический пояс, в котором Косой и явился на великокняжескую свадьбу.

Узнав историю пояса, Софья Витовтовна признала эту драгоценность родовой собственностью московских князей, и публично сняла пояс с Косого. Оскорбленные братья – Косой и Шемяка – тотчас оставили свадьбу и уехали к отцу.

Пояс, таким образом, стал поводом к страшной войне, продолжавшейся более тринадцати лет (1433–1446) и долго державшей смуту и усобицу во всей Русской земле. Много поплатились в эту войну и Софья Витовтовна, и ее сын, Василий Васильевич, потерявший было великое княжение, все свои земли, и, наконец, ослепленный.

Не будем останавливаться на подробностях той смуты, на удачах и неудачах той и другой стороны, потому что подробности эти не относятся непосредственно в нашему предмету.

Скажем только, что московский великий князь был несколько раз побиваем наголову, попадал в плен и т. п. Но вот в феврале 1446 года, великий князь поехал к Троице молиться, а Софья Витовтовна с женою его Марьею Ярославною оставалась в Москве. Ночью 12-го февраля, Шемяка и Иван Андреевич Можайский напали на Москву, взяли в плен Софью Витовтовну и Марью Ярославну, город разграбили, и, узнав где великий князь, пошли к Троице. Василий Васильевич, услышав о нападении своих смертельных врагов, заперся в церкви, прикрылся образом, молил Шемяку о пощаде; но его взяли и самым зверским образом ослепили. Потом вместе с Марьею Ярославною великого князя сослали в Углич, а Софью Витовтовну в Чухлому. В удел же великому князю дали одну только Вологду.

Не будем касаться также обстоятельств, как счастье изменило Шемяке, как союзники отпали от него и пристали к слепому великому князю. Шемяка и князь Можайский, владевшие уже великокняжеским уделом, должны были бежать из Москвы к Галичу, оттуда в Чухлому, захватили там с собой Софью Витовтовну, как заложницу, и бежали в Каргополь. Слепой князь взял почти все города, отпавшие было к Шемяке, и из Ярославля послал к нему гонцов.

– Брат-князь Димитрий Юрьевич! – говорили от него посланцы Шемяке: – какая тебе честь или хвала держать в плену мать мою и твою тетку? Неужели ты хочешь этим отомстить мне? Я уже на своем столе, на великом княжении!

Шемяка стал думать с своим боярами.

– Братья! – говорил он: – что мне томить тетку и госпожу свою, великую княгиню? Сам я бегая, люди надобны мне самому, они уж и так истомлены, а тут еще ее надобно стеречь... Лучше отпустить ее.

Софью Витовтовну отпустили, и великий князь сам поехал навстречу матери.

В 1451 году, Софья Витовтовна, уже почти восьмидесятилетняя старуха, защищает Москву от татар! На Москву шел царевич Мазовша. Великий князь вышел было против татар, но узнав, что Мазовша уже около Оки, отступил, а за ним отступил и воевода Иван Звенигородский. Великий князь явился в Москву, велел укрепляться, а сам с сыном Иваном пошел к Волге. Софья Витовтовна должна была остаться в Москве с внуком Юрием, с боярами и митрополитом Ионой – это были защитники великокняжеского стола. Жену Марью Ярославну и других детей великий князь отправил в Углич. 2 июля татары подошли к Москве и зажгли посады. Дым был такой, что ни москвичам не видно было татар, ни татары не видали Москвы, и только, когда сгорели посады, дым прошел, москвичам стало виднее и можно было дышать. Они начали биться с осаждающими и отбили приступ. К утру вновь приготовили пушки, решаясь защищаться до последней возможности; но утром они уже не видали татар – татары исчезли. Софья Витовтовна тотчас послала сказать об этом сыну. Великий князь прибыл в Москву и нашел вокруг нее одни пепелища. Он, однако, утешал москвичей: «эта беда на вас ради моих грехов; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своим местам, а я рад вас жаловать и льготу давать».

Изо всего здесь вкратце очерченного мы видим, таким образом, что к XV веку русская женщина начинает уже несколько выступать из своего тесно-замкнутого круга теремной и монастырской жизни, и её общественная деятельность, как деятельность Софьи Витовтовны, не проходит бесследно для истории. Но, быть может, начало этого явления следует искать в том, что Софья Витовтовна вышла из западной Руси, из Литвы, где близкое соседство с другими европейскими государствами и непосредственное соприкосновение с порядками Польши, с Ливонским орденом и даже с Чехией и Моравией могли скорее научить женщину самостоятельности и, расширив сферу ее воззрений, дать ей более почетное место на страницах истории.

И едва ли это последнее предположение не безосновательно, как мы увидим ниже при указании на значение Софьи Палеолог, Елены Ивановны, Елены Глинской и даже Марфы

Посадницы, которая конечно не осталась свободною от влияния литовско-польская и отчасти немецкая, как гражданка торгового и вольная «Господина Великого Новгорода».

V. Марфа Борецкая, посадница Новгородская

Историческая роль Марфы Борецкой или – как привыкли её называть – Марфы Посадницы, неразрывно связана с историей падения политической автономии «Господина Великого Новгорода».

В то время, когда московский великий князь Иван Васильевич III доканчивал «собрание Русской земли» уничтожением последних самостоятельных уделов, Новгород не мог не чувствовать, что скоро должен был пробить последний час и его политической независимости. Час этот мог пробить еще при Василии Темном, если бы смерть не помешала этому великому князю наложить руку на новгородские вольности, шедшие вразрез с идеей собирания Русской земли.

Предвидя этот неизбежный конец, новгородцы задумали отшатнуться от Москвы. Но так как они не могли самостоятельно существовать между двух сильных соседей – Москвы и Литвы, то они и решились прибегнуть под защиту последней и тем удержать в руках своих ускользавшее из них вечевое народоправство.

Этого особенно желала боярская партия, которая, пользуясь своими богатствами и властью, сделала из веча послушное для себя орудие, и куда хотела, туда и направляла народ, массу, этих «худых мужиков-вечников», т. е. все то, что носило громкое название «Господина Великого Новгорода». Задуманное втайне обращение к Литве произвело, – говорит летописец, – «нестроение в граде: овии из граждан прилежаху по древнему преданию русским царям, вельможи же града вси и старейшины хотяху латыни приложитися и сих кралоу повиноватися». В голове последней партии, которая и названа была «стороною литовскою», стояла фамилия бояр Борецких, собственно боярыня Марфа, вдова умершего «степенного посадника» Исаака Борецкого, и дети ее Федор и Димитрий. Женщина эта, по-видимому, обладала замечательными дарованиями, а потому, при своем богатстве и при том моральном весе, какой вообще имела вдова мать на своих сыновей, Марфа Борецкая в течение нескольких лет заправляла «Господином Великим Новгородом», пока не лишилась свободы вместе с своим родным городом. Можно смело и безошибочно сказать, что Новгород еще долго в состоянии был бы держаться, сохраняя свои вольности, свой суд, свой народный собрания на вече и свой знаменитый вечевой колокол, если бы в судьбу его не замешалось честолюбие женщины, надеявшейся иметь жениха в богатом и знатном пане литовском и через него стать наместницей или правительницей самостоятельного Новгорода и не взвесившей при этом ни своих сил, ни сил противника, не исследовавшей почвы, на которой можно было бы построить автономию Новгорода под боком у Москвы.

Недовольство Москвы Новгородом зрело долго. Новгородцы, подкрепляясь надеждою на Литву, подстрекаемые сторонниками Марфы Борецкой, начали небрежно относиться к исполнению своих обязанностей по отношению к Москве, утаивать часть пошлин, которые следовали московскому великому князю, захватывать земли, отошедшие от новгородских владений в пользу Москвы. Новгородцы неуважительно относились к послам и наместникам великого князя; не редко «худые мужики-вечники», уверенные в поддержке веча и надеясь на казну Марфы Борецкой, шумели не только в городе, но и на городище, где был великокняжеский двор, в котором жили московские наместники; новгородская вольница нападала даже на московская волости.

Москва это видела, но до поры терпела, потому что у нее было «розратель» с соседями, нелады с татарами. Великий князь однако не раз посылал сказать Новгороду, чтоб «отчина его

исправилась, жила бы по старине» – намек на литовские замыслы. Но отчина его не исправлялась.

До великого князя дошло известие, что Новгород не пропустил послов псковских, которые ехали в Москву. Он показал псковичам вид, что не верит такой клевете на Новгород.

– Как это вы побоялись моей отчины, Великого Новгорода? – с удивлением спросил великий князь псковского гонца, привезшего весть об этом: – как новгородцам не пропустить ваших послов ко мне, когда они у меня в крестном целовании?

Но и тут великий князь подавил в себе гнев на новгородцев – смолчал.

Через несколько времени новгородцы прислали в Москву послом посадника Ананьина, сторонника Марфы Борецкой. Во время переговоров по своему посольскому делу, Ананьин ни разу не упоминал о том, в чем новгородцы провинились перед Москвой. Бояре напомнили ему об этом.

– Великий Новгород об этом не мне приказал, – был ответ Ананьина.

Такая «грубость» посла взорвала великого князя, но он и тут сдержался, а только через Ананьина же сказал новгородцам:

– Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь; в земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старине; ко мне посылайте бить челом по dokonчанию, а я вас, свою отчину, жаловать хочу и в старине держу.

Но тут же, задумав уже об усмирении Новгорода мечом, велел сказать Пскову:

– Если Великий Новгород не добьет мне челом о моих старинах, то отчина моя Псков послужил бы мне, великому князю, на Великий Новгород за мои старины.

Но и Марфа Борецкая искала уже себе союзников. Ей нужно было показать великому князю, что и Новгород не беззащитен, и потому тон речей Москвы мог бы быть и умереннее. Новгородцы обратились к Литве, откуда король Казимир и выслал для них князя-наместника Михайлу Олельковича. Олелькович прибыл в Новгород с многочисленной свитой; с большими почестями был принят новгородцами и зажил в Новгороде бок-о-бок с наместником московским, которого новгородцы не выгнали однако, «не показали путь» по старине.

За несколько дней до этого умер новгородский владыка Иона, и нужно было избрать ему преемника. Избрание производилось на вече, у святой Софии. На престол положены были три жребия – Варсонофия, Пимена и Феофила. Стали вынимать жребии, и вынулся жребий Феофила. Феофил, по старине, должен был ехать в Москву на ставленье.

Марфа Борецкая была недовольна этим избранием, потому что Феофил оказался приверженцем старины и Москвы. Надо было подыскать сторонника нового движения, литовского, и таким сторонником явился Пимен, жребий которого не вынулся.

– Хотя на Киев меня пошлите, я и туда на свое поставление поеду, – сказал Пимен литовской партии.

Так как Пимен был архиепископским ризничим и следовательно богатая церковная казна находилась у него в руках, то он прибег к подкупу. Борецкая, располагая своими собственными богатствами и получив от Пимена значительные суммы из архиепископской кассы, подобрала себе сильную партию на вече; но это, с другой стороны, и погубило Пимена: за расхищение церковной казны новгородцы московской партии схватили его и казнили; имущество же его разграбили.

Послам, отправленным в Москву от нового архиепископа, Иван Васильевич сказал:

– Отчина моя, Великий Новгород, прислал ко мне бить челом, и я его жалую: нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставления без всяких зацепок, по прежнему обычаю, как были при отце моем, деде и прадедах.

Новгород сошелся на вече. В это время пришли послы из Пскова.

– Нас великий князь, а наш государь, поднимаешь на вас, – говорили псковские послы: – от вас же, своей отчины, челобитья хочет. Если вам будет надобно, то мы за вас, свою братью,

ради отправить посла к великому князю бить челом о миродокончальной с вами грамоте: так вы бы послам нашим дали путь по своей вотчине к великому князю.

Услыхав неожиданно такие слова, вече зашумело: оно в первый раз узнало, что Иван Васильевич поднимает уже Псков на Новгород.

– Не хотим за великого князя московского! Не хотим называться его отчиною: мы люди вольные, – кричала партия, давно недовольная Москвою и разожженная деньгами и нашептываньями Борецкой: – не хотим терпеть от Москвы – хотим за короля Казимира! Московский князь присылает опасную грамоту нареченному владыке, а меж тем поднимает на нас псковичей и сам хочет идти!

– Хотим по старине: к Москве, – кричала московская партия: – нельзя нам отдаться за короля и поставить владыкой у себя от митрополита латынца!

«Худые мужики-вечники» ударили в колокола.

– Хотим за короля! – кричала толпа.

В приверженцев Москвы бросали камнями. Бурное вече кончилось тем, что пария Марфы пересилила, и решено было послать к королю. Послы тотчас же отправились.

А псковским послам Новгород сказал:

– Вашего посла к великому князю не хотим поднимать и сами ему челом бить не хотим; а вы бы за нас против великого князя на коня сели, по своему с нами миродокончанью.

Псков на это отвечал: «Как вам великий князь отошлет складную грамоту (т. е. разрыв, объявление войны), то объявите нам, мы тогда, подумавши, ответим».

Но Псков обманул своего «брата старейшего – Новгород, как его тогда называли официально. За то Казимир охотно вошел в союз с Новгородом – «вольными мужами», и в договоре с ними постановил: король держит на городище, в Новгороде, наместника веры греческой, православного христианства. Наместник, дворецкий и тиуны королевские, живя в городище, имеют при себе не более пятидесяти человек. Пойдет великий князь московский на Великий Новгород, или сын его, или брат, или которую землю поднимет на Великий Новгород, то король садится на коня за Новгород со всею радю литовскою; если же король, не помирив Новгород с московским князем, пойдет в польскую землю или немецкую, и без него пойдет Москва на Новгород, то рада литовская садится на коня и обороняет Новгород. Король не отнимает у новгородцев их веры греческой православной, и где будет любо Великому Новгороду, тут и поставить себе владыку. Римских церквей король не ставит ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле новгородской. Что в Пскове суд, печать и земли Великого Новгорода, то к Великому Новгороду по старине. Если король помирит Новгород с московским князем, то возьмет черный бор по новгородским волостям, один раз, по старым грамотам, а иные годы черного бору ему не надобно. [Бор черный слово «бор» вообще означало в Древней Руси побор, подать, черным же он назывался, потому что собирался в пользу великого князя и притом только в Новгородской земле, с черных людей. По недостатку летописных и других указаний на этот бор нельзя сказать, когда и как установился он и все ли новгородские (собственно) волости платили его, постоянный ли он был или временный и как изменялись условия этого побора.]

Король держит Новгород в воле мужей вольных, по их старине и по крестной грамоте, целует крест ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую.

Честолюбивая Борецкая могла теперь надеяться иметь и наместника и жениха, несмотря на то, что у нее самой уже были дети и внуки, из которых первые сами уже состояли в должностях степенных посадников! Но она забыла свои лета для Великого Новгорода.

Москва и после всего этого, как говорит летописец, не села на коня. Великий князь снова отправил к новгородцам посла о добрыми речами и с милостью, лишь бы одумался Новгород.

– Отчина бы моя, новгородцы, – говорил Иван Васильевич через посла, – от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули, к латынству не приставали, и мне бы, великому князю, челом били да исправились, а я, великий государь, жалую вас и в старине держу.

Московский митрополит Филипп с своей стороны послал увещание детям своим, «мужам вольным» – новгородцам.

– «Сами знаете, дети (писал он), с какого времени господари православные, великие князья русские начались: начались они с великого князя Владимира, продолжаются до нынешнего Ивана Васильевича. Они господари христианские русские и ваши господа, отчичи и дедичи, а вы их отчина из старины, мужи вольные. Господин и сын мой князь великий сказывает, что жаловал вас и в старине держал, и вперед жаловать хочет, а вы, сказывает, своих обещаний ему не исполняете. Ваши лиходеи наговаривают вам на великого князя: «Опасную-то грамоту он владыке нареченному дал, а меж тем псковичей на нас поднимает и сам хочет на нас идти». Дети! такие мысли враг-дьявол вкладывает людям: князь великий еще до смерти владыки и до вашего челобитья об опасной грамоте послал сказать псковичам, чтобы они были готовы идти на вас, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, так и его жалованье к вам тотчас пошло. И о том, дети, подумайте: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие, а когда оставил истину, то и впал в руки поганых. Сколько лет ваши прадеды своей старины держались неотступно; а вы, при конце последнего времени, когда человеку нужно душу свою спасать в православии, вы теперь, оставя старину, хотите за латинского господаря закладываться! Много у вас людей молодых, которые еще не навывкли доброй старине, как стоять и побороть по благочестию, а иные, оставшись по смерти отцов не наказанными, как жить в благочестию, собираются в сонмы и поощряют на земское неустроение (намек на молодых детей Марфы Борецкой). А вы, сыны православные, старые посадники новгородские и тысяцкие. и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, сами остерегитесь, старые молодых понаучите, лихих удержите от злого начинания, чтоб не было у вас латинские похвальбы на веру православных людей».

Но было уже поздно: молодых и старых – всех увлекла честолюбивая женщина и вольность новгородская.

Москва, наконец, села на коня. В мае 1471-го года сам великий князь выехал с войском, отправив в Новгород «разметные грамоты» – объявление войны. За великим князем следовали выступившие из разных мест со своими ратями удельные князья и воеводы братья великого князя – Юрий, Андрей Меньшой и Борис, князь верейский с сыном, татарский служилый царевич Данияр, воеводы: князь Холмский, боярин Федор Давыдович, князь Оболенский-Стрига. Нуждаясь в знатоке летописей, великий князь выпросил у своей матери такого знатока в лице ее дьяка Степана Бородатого, который бы, в случай нужды, мог – по выражению современника – «воротити летописцем», т. е. когда явятся новгородские послы, то Степан «ворочая летописцем», мог бы подыскивать в нем все необходимое для напоминания новгородцам об их старых изменах, как изменяли они и в давние времена отцам, дедам и прадедам.

В Псков и в Вятку посланы были приказы садиться на коней и идти на Новгород. У Твери великий князь просил помощи.

Со всех сторон нагрянули войска великого князя на новгородские земли. Воеводам велено было распустить ратных людей во все места – жечь, пленять и казнить без милости все население мятежников.

Великий Новгород остался без союзников. К великому князю помощь шла со всех концов русской земли; к Новгороду же – ни откуда. Своих собственных сил было немного и Новгород к войне не приготовился. Олелькович, наместник Новгорода с литовской стороны, обещавший высватать для вдовы Борецкой одного из панов литовских, который мог бы быть союзником Новгороду, обманул и Борецкую, и Новгород, и еще раньше «розрять» Новгород с Москвой бежал в Киев, на пути ограбил один из новгородских пригородов – Русу, и пограбил все места, по которым бежал, до самой границы. Послали просить помощи у Казимира – помощь не шла. Просили помощи у Ливонского Ордена и ливонский магистр сносился с великим магистром

в том смысле, что помощь эта очень нужна, что московский князь, поработив Новгород, станет страшен и для ордена, – но все-таки помощь и оттуда не пришла.

Новгород оставался при своих собственных силах, да и те тянули под разными углами. Конные спорили с пешими: первые были – владычный полк, не смевшей без благословения владыки Феофила – московской руки – поднять руку на великокняжеские рати; пешие были бессильны. Воевод хороших не было. Борецкая дала в воеводы своего сына степенного посадчика Дмитрия Борецкого – но этого было мало. Честолюбивая Марфа по-видимому не обдумала затеянной ею игры – игра шла на риск. Служилый новгородский князь, потомок Рюрика, Василий Щуйский-Гребенка, послан был новгородцами на защиту Заволочья. Как бы то ни было, новгородские рати двинулись против московских. Первые две битвы были не в пользу новгородцев: князь Холмский разбил их у Коростыни и на реке Поле; Русу сжег.

Псковичи, по-видимому, колебались, не зная чью руку держать и чья сторона возьмет верх – московская или новгородская.

– Как только услышим великого князя в Новгородской земле, так и сядем на коней за своего государя, – отвечали они московскому послу.

Но на коней не садились. Прискакал от великого князя боярин Зиновьев, торопил псковичей – они все не шли.

– Садитесь сейчас же со мною на коней, – твердил Зиновьев каждый день Пскову: – я к вам отпущен от великого князя – воеводу приехал.

Ничто не помогало. Только тогда Псков сел на коня, когда новгородцы уже не раз были побиты. Псковская рать выступила под начальством четырнадцати посадников, с воеводою князем Василием Шуйским, сыном псковского князя наместника. Псковичи двинулись к Шелони. Новгородцы поторопились собрать новые силы под начальство сына Борецкой Дмитрия. Говорят, что сторонники Марфы силой сгоняли народ в войско, а кто не шел охотою, их били, грабили, топили в Волхове – любимая казнь новгородцев. Силой нагнали до сорока тысяч войска, но в этих сорока тысячах было много тысяч вечевых крикунов, «препростой чади», «изорников», «худых мужиков вечников», плотников, гончаров и всякого неопытного люда, никогда не савишнегося на коня.

Надо было перевстретить и разбить псковские рати на Шелони, чтоб не дать им соединиться с московским войском. Но не псковские рати ожидали на Шелони сына Марфы Посадницы. Там уже был князь Холмский с четырьмя тысячами великокняжеских ратников и даньяровых татар. Войска встретились – их разделяла река. «Новгородцы, – говорит летописец – по оной стране реки Шелони ездяще, и гордящися, и словеса хульные износяще на воевод великого князя, еще окаянные и на самого государя великого князя словеса некие хульные глаголаху, яко пси лаяху».

Здесь-то произошла знаменитая «Шелонская битва», решившая судьбу «Господина Великого Новгорода» и его старой посадницы Марфы Борецкой. Московская рать перешла Шелонь и ударила на новгородцев. Говорят, что последние откинули москвичей за реку, но там они наткнулись на западную татарскую, которой не ожидали. Засадная рать решила дело. Двенадцать тысяч новгородцев было убито и тысяча семьсот взято в плен. Сын Марфы также был взят с прочими воеводами. Захвачен был обоз, и там москвичи нашли договорную грамоту Новгорода с королем Казимиром.

На и после этого поражения Новгород не смирился. Там еще сидела Марфа Борецкая, сын которой находился в плену у Москвы – обида очень тяжелая. Борецкая надеялась на Казимира. Посол, однако, поскакавший в Литву, не был пропущен через владения ливонских рыцарей. В Новгороде вспыхнул бунт, но при всем том новгородцы партии Борецкой готовились защищать свой город, и казнили Упадыша, заколачивавшего новгородские пушки железом.

С своей стороны Иван Васильевич велел казнить сына Борецкой, военнопленного воеводу Дмитрия.

Прошло несколько дней – и в Новгороде уже есть было нечего: так дурно Борецкая и ее сторонники приготовились к войне. В этих стесненных обстоятельствах Новгороду ничего более не оставалось, как покориться победителю.

Великий князь дал мир покорившемуся Новгороду, но за военный издержки, за новгородскую «проступку» и за «грубость» взял 15,500 рублей: контрибуция, по тогдашнему счету, неслыханная.

Но покорность Новгорода была только видимая. Там оставалась еще Борецкая, голова сына которой пошла в счет контрибуции; там оставалась еще вся литовская партия, которая мало того, что не выносила московского владычества, но упорно искала мести, отплаты за унижение, за контрибуцию, за убитых и казненных новгородских вельмож с молодым Борецким. Смуты в городе не унимались, а так как литовская сторона стояла в голове управления новгородского, то бояре и мстили в самом городе свою обиду на приверженцах Москвы: так они разграбили несколько улиц в Новгороде, и это послужило поводом ко второму наказанию беспокойных новгородцев.

Обиженные жаловались великому князю. В октябре 1475 года он направил свой путь на беспокойную вотчину, чтоб снова напомнить ей, что имя его новгородцы должны держать «честно и грозно». Последним сопротивляться было невозможно, и вот послы провинившаяся города, посадники, бояре и владыка Феофил явились к великому князю, бывшему уже на городище, с повинною. Иван Васильевич не принял челобитчиков.

– Известно тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчине нашей, – говорил он владыке новгородскому, – сколько от этих бояр и прежде зла было, а нынче что ни есть дурного в нашей отчине – все от них: так как же мне их за это дурное жаловать?

Посадник Ананьин и несколько из его товарищей были закованы в цепи и отправлены в Москву.

После этого великий князь снова простил новгородцев, взял большой окуп с виновных, пировал у всех знатных вельмож, и отъехал прочь.

Но вечевой колокол еще висел в Новгороде и Марфа Борецкая не оставляла своих честолюбивых замыслов.

Следующее недоразумение, а может быть и хитрость врагов Борецкой погубили Новгород окончательно. В Москву приехали из Новгорода послы и в челобитье своем называли великого князя «государем», чего прежде никогда не было, потому что «Господин Великий Новгород относился к московскому князю как к равному и называл его только «господином». Тогда из Москвы явились великокняжеские послы и спросили новгородцев:

– Какого вы хотите государства? Хотите ли, чтоб у вас был один суд государя, чтобы тиуны его сидели по всем улицам, и хотите ли двор Ярославов очистить для великого князя?

Новгород заволновался – он никого не уполномочивал называть великого князя «государем». Начался мятеж. Посадников и бояр пограбили, и требовали веча, Привели и поставили перед народом одного боярина, Василия Никифорова, который будто бы присягнул на Москве служить великому князю.

– Переветник! был ты у великого князя и целовал ему крест на нас? – кричало вече.

– Целовал я крест великому князю в том, что буду служить ему правдою и добра ему хотеть, а не целовал я креста на государя своего Великий Новгород и на вас, своих господ и братьев! – оправдывался боярин.

Боярин был изрублен топорами на части. Побили и других бояр, но с московскими послами обошлись милостиво и с честью отпустили их.

– Вам, своим господам, челом бьем, но государями вас не зовем, – говорили новгородцы этим послам: – суд вашим наместникам на городище по старине, а тиунам вашим у нас не быть, и двора Ярославова не даем: хотим с вами жить как договорились в последний раз на

Коростыни. Кто же взялся без нашего ведома иначе сделать, тех казните как сами знаете, а мы здесь будем их также казнить, кого поймаем.

Доложили об этом великому князю на Москве. Он порешил бесповоротно покончить с Новгородом.

– Я не хотел у них государства, – говорил он митрополиту, матери, братьям, боярам, воеводам: – сами присылали, а теперь запираются, и на нас ложь положили.

Он велел готовить рати. Рати выступили и немедленно стали опустошать, новгородские земли. Сам Иван Васильевич выехал к войску в октябре, а в 30 верстах от Новгорода, на Сытине, 23 ноября явилось к нему новгородское посольство с челобитьем и повинною. Посольство было многочисленное.

– Господин государь князь Великий Иван Васильевич всея России! – говорил владыка Феофил от имени всей новгородской земли: – положил ты гнев свой на отчину свою, на Великий Новгород, меч твой и огонь ходит по новгородской земле, кровь христианская льется. Смилуйся над отчиною своею, меч уйми, огонь утоли, чтобы кровь христианская не лилась – господин государь, пожалуй! Да положил ты опалу на бояр новгородских и свел их на Москву в свой первый приезд: смилуйся, отпусти их в свою отчину, в Новгород Великий.

Ни слова не отвечал великий князь послам, а только позвал их обедать.

На другой день начались переговоры. Новгородцы упрямылись, отстаивали тень своей самобытности, предлагали то, что великому князю не нравилось.

Великий князь велел войскам пододвигаться к Новгороду. Москвичи заняли городище и подгородские монастыри.

– Сами вы знаете, – велел после того Иван Васильевич сказать послам новгородским: – что посылали к нам Назара Подвойскаго и Захара вечегов дьяка, и назвали нас, великих князей, себе государями. Мы, великие князья, по вашей присылке и челобитью, послали бояр спросить вас: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что послов с тем не посылали, и говорили, что мы вас притесняем. Да кроме того, что вы объявили вас лжецами, много и других ваших к нам неисправлений и нечестия. Мы сперва поудержались, ожидая вашего исправления, посылали к вам с увещиванием, но вы не послушались, и потому стали нам, как чужие. Вы теперь завели речь о боярах новгородских, на которых я положил опалу, просили, чтобы я их пожаловал и отпустил, но вы хорошо знаете, что на них бил мне челом весь Великий Новгород, как на грабителей, проливавших кровь христианскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всем Новгородом, нашел, что много зла делается от них нашей отчине, и хотел их казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за них, и я их пожаловал, казнить не велел, а теперь вы о тех же виноватых речь вставляете, чего вам делать не годилось, и после того как нам вас жаловать? Князь великий вам говорит: захочет Великий Новгород бить нам челом, и он знает, как ему нам, великим князьям, челом бить.

Что делала в это время Марфа Борецкая, главная виновница всего зла новгородского – неизвестно. Знаем только, что когда шли эти переговоры с новгородскими послами, новгородцы еще не бросили оружия, а крепко осели как за заборами городскими, так и за деревянной стеною, которую они успели возвести по обеим сторонам Волхова и перекинули даже через реку на судах.

Москва стала томить Великий Новгород голодом. Снова город разделился за Москву и за Литву. Снова явилось в московском стане новгородское посольство челом бить, просить жалованья, но не пощады.

– Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом! – снова услышали послы тоже непреклонное слово из уст московского князя.

Послы воротились и потом опять пришли. Надо было виниться, признаваться, что Новгород действительно отправлял в Москву посольство называть великого князя «государем», а после заперся.

– Если так, – велел отвечать великий князь послам: – если вы, владыка и вся наша отчина Великий Новгород сказались перед нами виноватыми, и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, Новгороде, то объявляем, что хотим такого же государства нашего и в Новгороде, какое в Москве.

Послы просили позволить им подумать со всем Новгородом. Им дали два дня думать.

И вот новое посольство, новые просьбы, новые условия – это были предсмертные конвульсии «Господина Великого Новгорода».

– Сказано вам, что хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас государство в низовой земле на Москве; а вы теперь сами мне указываете, как нашему государству у вас быть: какое же после этого будет мое государство? – был ответ Ивана Васильевича.

– Мы не указываем и государству великих князей урока не кладем, – твердили послы: – но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, как их государству в нем быть, потому что Великий Новгород низового обычая не знает, – не знает, как наши государи великие князья держат свое государство в низовой земле.

– Государство наше таково, – отвечал великий князь решительно: – вечевому колоколу в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство всё нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, вы и их нам отдайте. Вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит.

Посольство отпустили. Новгород видел, что и последняя тень вольности убегает от него: все было бессильно – и король Казимир, покинувший их, и Марфа Борецкая, около которой кружок приверженцев не уმაлялся; но живучесть умиравшего города была велика и умирать не хотелось.

Согласившись на всё, новгородцы просили только великого князя целовать крест Великому Новгороду.

– Не быть моему целованью! – был ответ.

Просили, чтоб бояре целовали крест.

– Не быть!

Просили, чтоб хоть великокняжеский наместник целовал этот крест.

– Не быть!

Просили, наконец, чтоб их отпустили в город еще подумать.

– И этому не быть!

Во всем отказано.

– Если государь не жалует, креста не целует и опасной грамоты нам не дает, – молили новгородские послы бояр: – то пусть объявить нам свое жалованье, без боярских высылков (потому что великий князь высылал бояр говорить с посольством).

– Просили вы, чтоб вывода, позыва на суд и службы в низовую землю не было, чтоб я в имения и отчины людские не вступался и чтоб суд был по старине: всем этим я вас, свою отчину, жалую.

Послы откланялись. Их нагнали бояре.

– Великий князь велел вам сказать, – говорили бояре: – Великий Новгород должен дать нам волости и села – без того нам нельзя держать государства своего в Великом Новгороде.

– Скажем об этом Новгороду, – отвечали послы.

Через две недели часть Новгорода присягала великому князю. Присягнувшие бояре, купцы и жилые люди просили московских бояр, чтоб великий князь сказал им «вслух», т. е. не через бояр, милостивое слово. И великий князь пожаловал этим словом владыку и прочих:

– Даст Бог, вперед тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великий Новгород, хотим жаловать.

Из московского стана приехал в Новгород любимец великого князя, ближний боярин знаменитый князь Иван Юрьевич Патрикеев, потомок Гедимины, и велел созвать новгородцев. Но уже собрание было не на площади, а в палате: новгородское вече, стоявшее непоколебимо от Рюрика и до Рюрика, уже не существовало!

– Князь великий Иван Васильевич всея Руси, государь наш, – говорил он, обращаясь к владыке и к Новгороду, – тебе своему богомольцу владыке и своей отчине Великому Новгороду говорит так; ты, наш богомолец, и вся наша отчина, Великий Новгород, били челом нашим братьям, чтоб я пожаловал, смиловался, нелюбе с сердца сложил: и я, великий князь, для братьев своих, пожаловал вас, нелюбе отложил. И ты бы, богомолец наш, и отчина ваша, на чем добились нам челом, и грамоту записали, и крест целовали, – то бы все исполняли; а мы вас вперед хотим жаловать по вашему исправлению в нам.

Это было последнее слово великого князя «Господину Великому Новгороду».

Началась общая присяга на владычном дворе и по всем концам. Присягали все, не исключая жен. Новгородская покорная грамота укреплена была 58 печатями. Через два дня после присяги, новгородские бояре, боярские дети и жилые люди поступили на службу московскому князю.

20 января 1478 года великий князь отправил в Москву грамоту с извещением, что великий князь отчину свою Великий Новгород привел во всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве.

Явились в Новгород великокняжеские наместники – два брата князей Оболенских – Иван Стрига и Ярослав. Потом прислали еще двух. Наместники заняли Ярославов двор.

В это время в Новгороде был мор и великий князь в городе не жил, оставаясь в стане, и только два раза приезжал слушать обедню у святой Софьи, – патрона Великого Новгорода.

17 февраля великий князь выехал в Москву. Перед его отъездом велено было схватить Марфу Борецкую, ее внука Василия, сына Федора Исааковича и еще нескольких новгородцев. Имение их было отобрано в казну, а сами они отвезены были в Москву.

Сняли вечевой колокол и тоже повезли на Москву вслед за великим князем. А в Москве, – говорит летописец, – «вознесоша вечевой колокол на колокольницу вместе с прочими колоколы звоните».

Говорят, что он звонит и до сих пор.

VI. Софья Палеолог

Софья Палеолог была второй супругой великого князя Ивана Васильевича III. Первой его женой была дочь великого князя тверского, Бориса, Марья Борисовна, на которой Иван Васильевич женат был еще при жизни своего отца, в очень молодых годах. Брак этот состоялся по особым политическим соображениям, так как Тверь всегда была во вражде с Москвою; но Марья Борисовна жила недолго. В 1467 году великий князь уже овдовел, и в Москве ходил слух, что покойная княгиня была отравлена или изведена чародейством, которому в то время все верили. Признаки чародейной отравы видели в том, что тело умершей сильно распухло, так что покров, под которым она лежала, сначала был до того велик, что свешивался по краям, а вскоре потом не мог прикрывать распухшего тела покойницы. Говорили, что одна из женщин, бывших при княгине, Наталья Полуехтова, с целями чародеяния посылала пояс княгини к ворожее и что посредством этих чар и изведена была Марья Борисовна. Как бы то ни было, но Иван Васильевич был потом сердит на Полуехтову и на ее мужа Алексея, и целых шесть лет не посылал его к себе на глаза.

Меньше чем через два года после смерти Марьи Борисовны великий князь задумал вновь жениться. К этому представился очень благоприятный случай. В 1469 году приехал к великому

князю грек Юрий с письмом от римского кардинала Виссариона, который предлагал Ивану Васильевичу руку греческой царевны Софьи Палеолог.

Царевна Софья была дочь Фомы Палеолога. Этот Фома Палеолог, после падения Византии, когда брат его, последний византийский император из дома Палеологов, Константин, погиб на стенах своей столицы, искал со своим семейством убежища в Риме, где он уже имел родственные связи, потому что женат был на дочери герцога Феррарского. Следовательно, Софья Палеолог была гречанкой по отцу и итальянкой по матери. Софья, после смерти Фомы Палеолога, осталась с двумя братьями. Папа Павел II принял молодую царевну под свое покровительство, конечно с целями воспользоваться ею в видах распространения своего духовного владычества и на того государя, с которым, как он справедливо мог надеяться, Софья соединить свою судьбу. Ничего лучше нельзя было желать для папы, как распространить свою власть на обширные земли вновь восходившего на востоке сильного светила – царства московского, на которое римские первосвященники уже несколько столетий смотрели с завистью, и потому самым подходящим для этого орудием папа признал молодую царевну, которой мать была католичка по рождению; да и сама она, прожив несколько лет в Риме, не могла не подпасть под некоторое влияние искусной католической пропаганды, хотя и была рождена и воспитана сначала в греческой вере. Нужно было для этого во что бы то ни стало выдать Софью за московского великого князя, и потому папа для переговоров с ним избрал посредником кардинала Виссариона, бывшего греческим митрополитом, подписавшим в числе других духовных представителей восточной церкви, флорентинскую унию. Предлагая Софью в замужество великому князю, кардинал Виссарион между прочим сообщил Ивану Васильевичу, что царевна из ревности к греческой вере отказала уже двум женихам, французскому королю и медиоланскому герцогу.

Иван Васильевич, говорит летописец, взял эти слова в мысль и, посоветовавшись с митрополитом Филиппом, с боярами, в марте же месяце отправил в Рим посла Ивана Фрязина, выходца из Италии, служившего при великом князе монетным мастером.

Фрязин оказался хорошим сватом, как для той, так и для другой стороны. С одной стороны папе хотелось приобрести в великом князе московском сильного союзника против страшных турок, которые в то время уже ступили своей тяжелой пятою на европейский материк, раздавив этою пятою древнюю и славную некогда Восточную или Византийско-Римскую империю, затем при посредстве Софьи и своих легатов, воздействовать на Ивана Васильевича к восстановлению флорентийской унии. Вообще планы папы в этом отношении могли быть очень широкими и надежды очень радужными, притом же, по-видимому, и сбыточными. С другой стороны, московский князь, уже ощущавший под собою почву самодержавия, так как прежние уделы почти не существовали, а Тверь, Новгород, Псков и даже Орда начинали уже чувствовать тяжелую руку «московского государя», искал более прочного укрепления в умах идеи самодержавия, а это укрепление возможно было в перенесении московским князем на свою особу нравственного наследия византийской империи: это наследие могло принести с собою представительница императорского рода в Византии, утратившего свою империю. Идея византийской империи, таким образом, как бы переносилась на Москву, на плечи московского самодержавного князя.

Фрязин, как ловкий проходимец, которому, однако в Риме охотно верили, быстро выполнил свое посольство и воротился в Москву с портретом царевны, а равно с «опасными» (проезжими, пропускными) грамотами от папы для беспрепятственного следования по всем католическим землям московских послов в Рим за царевною и обратно, когда будет совершен обряд обручения, хотя бы заочного.

Вскоре в Рим отправлено было посольство за невестой, и Фрязин назначен был от великого князя представлять лицо жениха при церемонии обручения, как это водилось в то время

и как это мы увидим ниже, при обручении дочери Ивана Васильевича, Елены, выходившей замуж за князя литовского Александра.

В июне 1472 года царица выехала из Рима. Ее сопровождал кардинал Антоний и немалое число греков. Ехала она морем и вступила на русскую землю выше Пскова.

Вот любопытное описание, по летописцу, встречи, которую приготовили царице псковичи:

«Октября в 1 день пригна во Псков гонцем Николай Лях от моря из Колывани, а повестуя Пскову:

«Царица, переехав море, да едет на Москву, дщи Фомина князя аморейского, а царградского царя Константинова и Калюянова братана, а внука. Иоана Палеологова, а князя Василья Дмитреевича зятя, нарицаемая София: сия вам будет государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена и княгиня великая. И вы бы есте ея, сустревше, приняли честно».

«И того же дни сам поеха к Новгороду Великому, а оттоле на Москву.

«И оттоле, – говорит летописец, – псковичи начата мед сытити и корм сбирати, и послаша гонцов своих нолна и до Кирьипиге, и посадников и бояр из концов в Изборск ея с честью стретити. И бывшим им тамо мало не с неделю, и се пригнаше гонец от нея из Юрьева на озеро в судах:

– «И вы бы есте ея сустретили в Измене» (объявил гонец).

«И псковичи в тыя часы шесть насадов (суда) уготоваша великих, и во всяком насаде посадники псковские и бояре и гребцы с великою честью поехали в субботу в 10 день, и приехали скоро пред обедом в неделю в 11 день на Измень, иже она только ни приезжает к берегу: бе бо там мало – несть тоя чести, яко же zde. И се вси шесть насадов и лодия многи, яко же езеру возмутитися, туто же начата к берегу приставати.

«И посадники псковские и бояре, вышедшие из насадов и наливши кубки и роги злащенные с медом и с вином, и пришедши к ней, челом удариша. Она же, приемши от них в честь и в любовь велику, и теми часы восхоте сама с Измены и до обеда в даль ехать, бе бо ей еще се хочет от немцев отъехать. И приемши ея посадник с тою же честью в насады, и ея приятелей (свиту), и казну, и на Скертове ночеваша и потом у святого Николы в Усёях другую ночь, и от святого же Николы с Устей, в 13 день, святых мученик Карпа и Памфила, приехал к пресвятой Богородицы, и пеша за нея игумен и с всеми старцы молебн.

«Она же оттоле, порты царския надевши, и поеха ко Пскову.

«Тако же и ту предо Псковом ей велика честь: священником бо противу ея с кресты и посадником псковским вышедшим, она же из посада вышед на новгородском березе и от священников благословение приемши, тако же и от посадников и от всего Пскова челобетие, поиде в дом святых Троица я со всеми приятелями.

«И бе бо в ней свой владыка с нею, не по чину нашему оболчен (одеть): бе весь червлёным платьем, имея на себе куколь червлен же, на главе обвить глухо яко же каптур литовский, только лице его знати, и перстатцы на руках его имея непременно, яко рук его никому же видети, и в той благословляет, да тако же и крест пред ним на высокое древо воткнуто горе; не имён же поклонения к святым иконам и креста на себе рукою не прекрестяся, и в дому святых Троица только знаменася к Пречистой и то по повелению царицы».

Когда царица, – продолжает летописец, – была у святой Троицы и когда священники служили для нее молебен, то она приложилась к крестам животворящим и к образу Богородицы, а потом пошла на княжий двор государя своего. Там ей опять посадники псковские все и бояре и весь Псков честь сотворили вином и медом и всяким кормом, как ей самой, так и всем её приятелям, и слугам, и коням; кони ее были приведены сухим путем. Затем псковские посадники дарили ее, а также бояре и купцы, сколько кто мог («чия какова сила»), и весь Псков «дарова ей в почесть 50 рублей пенязями, а Ивану Фрязину 10 рублей».

«И она же царевна, сие видевши такову почесть в великого князя отчине своего государя, как от посадников псковских, так и от бояр и посполу от всего Пскова, и рече посадникам псковским и боярам и всему Пскову:

– «Яз царевна повестую, что есмь ныне на дорогу ехать хоцю к своему и вашему государю на Москву, и по ныне посадником псковским, и бояром, и всему вашему Пскову отчине государя моего и вашего повестую: на вашем честнопriятии и на вашем хлебе, и на вологе, и на вине, и на меду кланяюся: аще паки, оже ми даст Бог, и буду на Москве у своего и вашего государя, а где паки вам надобе будеть, ино яз паки царевна о ваших дѣлах хочю печаловатися вельми».

Сказав эту речь, царевна поклонилась посадникам и всему Пскову. Все потом сели на коней, и она вошла в воз, приложилась к иконам у св. Троицы и с великою честью отъехала из Пскова. Посадники и бояре провожали ее до старого Вознесенья.

С такими же почестями встретил и проводил царевну Софью Великий Новгород.

Вообще Псков и Новгород приветствовали высокую путешественницу и будущую государыню свою, как умели и как, вероятно, у них было принято встречать таких высоких гостей. Для них не казалось даже непозволительным, что, во время шествия царевны с кардиналом, впереди последнего несли, по латинскому обычаю, распятие на высоком древке. Их удивляло только то, что кардинал не снимает перчаток («перстатичи») даже в церкви, и что он весь в красном, что в свите царевны «люди черны, а иные сини» и т. д. Но в Москве, как в престольном городе, на эти внешности должны были обратить особенное внимание, тем более, когда сообразили, с какими целями ехал в Московское княжество папский легат.

Когда Софья была еще далеко от Москвы, там уже собрался совет: великий князь совещался с матерью, братьями своими и боярами относительно того, как принять невесту, а особенно следовавшего с нею кардинала. Как они извещены были, царевну везде сопровождал папский посол, а впереди всегда несли латинское распятие. Можно ли допустить это в Москве в самый же день встречи и приема невесты? На совещании голоса разделились: одни говорили, что можно допустить это и в Москве; другие, напротив, утверждали, что этого допустить нельзя, что подобного ничего прежде не бывало в московской земле, что потому и теперь не следует оказывать почестей латинской вере. Указывали даже на Исидора, бывшего на флорентийском соборе и погибшего за то, что он оказал уважение латинской вере.

В этих затруднительных обстоятельствах великий князь обратился за разрешением конфликта к митрополиту Филиппу.

– Нельзя послу не только войти в город с крестом, но и подъехать близко, – отвечал митрополит великому князю: – если же ты позволишь ему это сделать, желая почтить его, то он в одни ворота в город, а я, отец твой, другими воротами из города. Неприлично нам и слышать об этом, не только что видеть, потому что кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот над своей надругался.

После такого ответа великий князь немедленно послал навстречу царевне одного боярина, который должен был отобрать у кардинала крест и спрятать в сани. Кардинал никак не соглашался исполнить это требование, но потом должен был покориться. Но зато московский посол Фрязин, которого летописец называет «денежником», долго сопротивлялся, желая этим угодить папе и его кардиналу за то, что и ему самому в Риме оказывали большие почести, тем более, что в Риме он утаил, что принял в Москве православие.

Около месяца царевна ехала от Пскова до Москвы – таковы в то время были пути сообщения. Наконец, 12 ноября 1472 года, она торжественно въехала в Москву и в тот же день была обвенчана с великим князем. «Великий князь Иван Васильевич, – говорит летописец, – приготовил пирование и честь велику, и взя с нею венчание и прием чертог, и тако с нею начати еже о Бозе, и возрадовашася с ним вси князи и бояре и вся земля русская; а Ивана Фрязина, сослав на Коломну, оковал».

На другой день после свадьбы, кардинал Антоний правил посольство и принес великому князю дары от папы. Затем кардинал немедленно приступил к переговорам о соединении церквей – цель, с которою задумано было замужество Софьи Палеолог и для которой Антоний назначен был легатом в московскую землю. Но как и прежде, все попытки пап приобрести себе в русских князьях новых духовных чад не имели успеха, так и теперь усилия их разбились о непоколебимость русских духовных властей. Едва у Антония начались с митрополитом совещания о вере, то, – говорит летописец, – папский легат скоро испугался, ибо митрополит выставил против него на спор тогдашнего русского книжника Никиту Поповича: иное спровивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, как видно не доверяя своим познаниям в книжном деле, о другом же заставлял спорить самого Никиту. Кончилось тем, что кардинал не нашелся, что отвечать Никите и прекратил спор.

– Нет книг со мною! – сказал он, чувствуя свое бессилие перед Никитою-грамотеем.

На этом и кончились прения и переговоры о вере, о соединении восточной и западной церквей и о восстановлении флорентийской унии: брак Софьи Палеолог с великим князем московским по-видимому ни к чему не послужил для папы, хотя он так много на него надеялся. Но вероятно ораторские средства кардинала Антония были плохи, или он слишком понадеялся на силу своего красноречия или на обещания Ивана Фрязина, и в этой уверенности не взял даже с собою книг, которыми мог бы подкрепить свой спор с книжником Никитой, или же последний был такой говорун и знаток своей веры, а скорее упорный приверженец буквы, какими впоследствии оказались все русские книжники во время церковных смут, во всяком случае посольство кардинала окончилось ничем, и он скоро уехал.

Но несмотря на это, как брак Ивана Васильевича на племяннице византийского императора, так и присутствие в русской земле греческой царевны имели громадное нравственное и политическое влияние на всю последующую историю московского царства. Софья принесла с собою блеск и обаяние императорского имени; она же внесла в идею великокняжеской силы то, чего этой силе недоставало – царственности. Уже современники не могли не заметить, что после брака с отраслью старинного царственного рода, великий князь из простого старейшего князя между другими удельными князьями явился уже не князем только, а самодержавным «государем», что он и показал на Новгороде, и потому тотчас же получил наименование Грозного. Так называет его и летописец, говоря, что «сей бо великий князь Иоанн именуемый Тимофей Грозный». Великий князь становится монархом для князей и для могущественной, гордой дружины, которая, бывало, при малейшем неудовольствии на князя переходила к другому; а теперь ни князьям, ни дружине уйти было некуда. Князья, потомки Рюрика и Гедимины, превращаются, по отношению к государю московскому, в «холопей» и «смердов».

Всё это до известной степени внесла с собою Софья Палеолог. Еще недавно великий князь ездил в Орду, кланялся хану и его вельможам, как кланялись в течение двух столетий его предки, но когда в великокняжеский двор вошла Софья, то великий князь тотчас же заговорил с ханом другим языком.

Когда через несколько лет после женитьбы великого князя на Софье, хан Ахмат, прислав посла, потребовал Ивана Васильевича к себе в орду и приказывал высылать по-прежнему дань, Софья сказала мужу:

– Отец мой и я захотели бы лучше отчины лишиться, чем давать дань. Я отказала в моей руке сильным, богатым князьям и королям ради веры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь и меня, и детей моих сделать данниками. Разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь стоять за свою честь и за святую веру?

Говорят, что великий князь вместо себя отправил в орду своего посла Бестужева: но вероятно речи, который велел Иван Васильевич своему послу передать хану, рассердили этого последнего, и потому он прислал в Москву новое посольство с требованием дани. Тогда вели-

кий князь взял ханское изображение («басму»), изломал, бросил на землю, растоптал ногами, велел убить послов ханских, пощадив жизнь только одному, которому и сказал:

– Ступай, объяви хану: что я сделал с его басмою и послами, то сделаю и с ним, если он не оставит меня в покое.

«Софья же, – говорить современники, – настояла, чтобы великий князь не выходил пешком, как это водилось до неё, навстречу ханским послам, привозившим с собою «царскую басму», чтобы не кланялся этим ордынским послам до земли, не подносил бы им кубок с кумысом и не выслушивал бы ханскую грамоту, стоя на коленях. Говорят, что, по настоянию жены, великий князь, для избежания всех унижительных обрядов при приеме ордынских послов, начал сказываться больным, пока окончательно не порвал свою подчиненность орде. Софья же, говорят, настояла на том, чтобы великий князь отнял у татарских послов и купцов кремлевское подворье, на котором они обыкновенно останавливались.

Влиянию же Софьи следует приписать и то, что с государями западной Европы великий князь заговорил другим языком, что в сношениях своих с этими государями он упоминает даже, «как от давних лет прародители его были в приятельстве и любви с прежними римскими цесарями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии, что и отец его «до конца был с ними в братстве и приятельстве».

В наказе Юрию Траханиоту, отправленному послом к австрийскому императору Фридриху и сыну его Максимилиану, великий князь уже говорить с гордым сознанием о своем царственном величии. «Если спросит тебя (говорит он в наказе): цесарь спрашивал у вашего государя, хочет ли он отдать дочь за племянника императорского, маркграфа баденского, «есть ли с тобой об этом какой приказ, – то отвечай: «за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь наш многим землям государь великий, но где будет прилично, то государь наш с Божиею волею хочет это дело делать». Если же начнут выставять маркграфа владетелем сильным, скажут: «Отчего неприлично вашему государю выдать за него дочь?» – то отвечай: «Во всех землях известно, надеемся и вам ведомо, что государь наш великий государь, урожденный изначала, от своих прародителей, от давних лет прародители его были в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии; отец нашего государя до конца был с ними в братстве и приятельстве до зятя своего Иоанна Палеолога, – так как же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа?» Если же станут говорить, чтоб великому князю выдать дочь за императорова сына Максимилиана, то тебе не отговаривать, а сказать так: «Захочет этого цесарь, то послал бы к нашему государю человека». Если же станут говорить об этом деле накрепко, что цесарь пошлет своего человека, и ты возьмешь ли его с собою? – то отвечай: «Со мною об этом приказу нет, потому что цесарский посол говорил, что Максимилиан уже женат; но государь ваш ищет выдать дочь свою за кого прилично: цесарь и сын его Максимилиан – государи великие, наш государь так же великий государь, – так если цесарь пошлет к нашему государю за этим своего человека, то, я надеюсь, что государь наш не откажет».

Вот каков стал язык великого князя московского. За маркграфа банденского уже неприлично великому князю выдавать свою дочь; на предложение австрийского посла, рыцаря Поппеля, предоставлявшего великому князю от австрийского императора королевский титул, отвечают, что этого титула «как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим», а что «постановление имели от Бога, как наши прародители, так и мы»; наконец, на требование ханом Золотой Орды дани отвечают поруганием над ханскою басмою и казнью послов.

Все эти крупные перемены приписывают влиянию Софьи. Хан не стерпел высокомерия великого князя и решил наказать своего «улусника». Согласившись с Казимиром Литовским, он двинулся на московские владения. Великий князь также выслал против него своих воевод и сам отправился к войску. В Москве он посадил в осаде свою мать, инокиню Марфу, князя Михаила Андреевича Вереяского, митрополита Геронтия, ростовского владыку Васси-

ана, замечательного проповедника и самую энергическую личность этого времени. Главную же виновницу войны, Софью, Иван Васильевич послал в более безопасное место, велел ей ехать вместе с казною на Белоозеро, а оттуда – далее к морю и к океану, если Ахмат возьмет Москву: так ревниво берег великий князь свою молодую жену!

Не дождавшись хана, великий князь оставил войска и воротился в Москву. В это время москвичи, ожидая татар, уже бывавших в Москве и устилавших ее нередко трупами, перебирались из посадов в Кремль на осадное сиденье. Когда они увидели великого князя, которого не ожидали, то подумали, что все пропало – войска великого князя разбиты, сам князь бежал, татары гонятся по следам его. Послышался народный, ропот.

– Егда ты, господин великий князь, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безделице продаешь, а нынечи, розгневив царя сам, выхода (дани) ему не платив, нас выдаешь царю и татарам! – кричал народ, собираясь толпами.

Но едва великий князь въехал в Кремль, как его встретили митрополит Геронтий и владыка Вассиан. Последний зло упрекал Ивана Васильевича за недостаток мужества, называл его «бегуном».

– Вся кровь на тебя падет христианская, что ты, выдав их, бежишь прочь, а бои не поставив с татарами и не бился с ними, – говорил он великому князю. – А чему боишься смерти? Не бессмертен еси человек – смертен! И без року нету смерти ни человеку, ни птице, ни зверю. А дай семо вой в руку мою, коли аз, старый, утулю лицо против татар!

И много подобного говорил Вассиан, а народ роптал: «а граждане роптаху на великого князя», говорит летописец. Испугавшись народного ропота, великий князь не решился ехать в свой кремлевский дворец, а остановился в Красном селе.

Боясь также и за своего сына, молодого князя Ивана, который находился при войске и сторожил проходы ханских войск через реку Угру, великий князь послал приказ, чтоб тот ехал в Москву. Молодой князь не послушался отцовской грамоты, не боясь даже навлечь на себя гнев своего государя. Тогда Иван Васильевич послал приказ воеводе, князю Холмскому, схватить молодого князя и силою привезти в Москву. Холмский не решался прибегнуть к силе, а молодой князь стоял на своем.

– Умру здесь, а к отцу не пойду! – отвечал он на все уговоры князя Холмского.

Вассиан настаивал, чтобы сам великий князь ехал к войску, чтобы он не боялся за свою молодую жену, не думал только о ней. Энергия старого пастыря победила боязнь князя. Через две недели он выехал к своим ратям, но не стал лицом к лицу с татарами, а уклонился в сторону, «утулил лице свое», как выражался Вассиан. Он даже начал сноситься с Ахматом: отправил к нему Ивана Товаркова с челобитьем и дарами, просил, чтобы хан отступил с войском и «не велел воевать улуса своего» – это русские-то земли!.. Видно было, что не было с ним Софьи Палеолог.

– Жалую Ивана! – высокомерно отвечал хан: – пусть сам приедет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в орду.

Иван не поехал.

– Сам не хочешь ехать, так сына пришли или брата, – снова приказал сказать хан.

Князь не послал ни сына, ни брата.

– Сына и брата не пришлешь, так пришли Никифора Басенкова (который уже бывал в Орде), – настаивал Ахмат.

Узнал старый Вассиан об этих сношениях, об этой нерешительности великого князя, и снова грозное слово его пошло к «бегуну-князю, как он его назвал.

«Слышим ныне, – писал старик, – что бусурманин Ахмат уже приближается и христианство губить. Ты перед ним смиряешься, молишь о мире, посылаешь к нему, а он гневом дышит, твоего моления не слушает, хочет до конца разорить христианство. Не унывай, но возверзи на Господа печаль твою и той ты пропитает. Дошел до нас слух, что прежние твои разврат-

ники не перестают шептать тебе в ухо лстивые слова, советуют не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение волкам словесное стадо Христовых овец. Молюсь твоей державе, не слушай их советов! Что они советуют тебе, эти льстецы лжеименитые, которые думают, будто они христиане? Советуют бросить щиты, и, не сопротивляясь ни мало окаян-ным этим сыроядцам, предать христианство, свое отечество, и подобно беглецам скитаться по чужим странам. Помысли, великомудрый государь! от какой славы в какое бесчестие сведут они твое величество, когда народ тьмами погибнет, а церкви Божьи разорятся и осквернятся. Кто каменно-сердечный не восплачет об этой гибели? Убойся и ты, пастырь! Не от твоих ли рук взыщет Бог эту кровь? Не слушай, государь, этих людей, хотящих честь твою преложить в бесчестие и славу твою в бесславие, хотящих, чтобы ты сделался беглецом и назывался предателем христианским. Выйди навстречу безбожному языку агарянскому, поревнуй прародителям твоим, великим князьям, которые не только русскую землю обороняли от поганых, но и чужие страны брали под себя. Говорю об Игоре, Святославе, Владимире, бравших дань на царях греческих, о Владимире Мономахе, который бился с окаянными половцами за русскую землю, и о других многих, о которых ты лучше моего знаешь. А достохвальный великий князь Димитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыроядцами окаянными! Сам наперед бился, не пощадил живота своего для избавления христианского, не испугался множества татар, не сказал сам себе: «у меня жена и дети и богатства много – если и землю мою возьмут, то в другом месте поселюсь»; но, не сомневаясь нимало, воспрянул на подвиг, наперед выехал, и в лицо стал против окаянного разумного волка Мамай, желая исхитить из уст его словесное стадо Христовых овец. За это и Бог послал ему на помощь ангелов и мучеников святых; за это и до сих пор восхваляется Димитрий не только людьми, но и Богом. Так и ты поревнуй своему прародителю, и Бог сохранит тебя; если же, вместе с воинством своим, и до смерти пострадаешь за православную веру и святые церкви, то блаженны будете в вечном наследии. Но, быть может, ты опять скажешь, что мы находимся под клятвою прародительскою – не поднимать рук на хана, то послушай; если клятва дана по нужде, то нам повелено разрешать от нее, и мы прощаем, разрешаем и благословляем тебя идти на Ахмата не как на царя, но как на разбойника, хищника, богоборца. Лучше, солгавши, получить жизнь, чем, соблюдая клятву, погибнуть – пустить татар в землю на разрушение и истребление всему христианству, на запустение и осквернение святых церквей, и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не желая преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол или святитель научил тебя, великого русских стран христианского царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю? и т. д.

Эти сильные слова остановили великого князя при войске, потому что и Софья раньше говорила своему мужу тоже, заставляя его ногами растоптать ханскую басму и идти на битву. Но битвы не было: хан отступил в свои степи через литовские земли, напрасно похваляясь все лето: «даст Бог зиму на вас – когда все реки станут, то много будет дорог на Русь».

Русь и Москва были спасены. Все, кто бегал, стали возвращаться по домам. '

Воротилась и великая княгиня Софья. «Тое же зимы, – говорить летописец, – приде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никто же; и по которым странам ходила, тем пуще татар от боярских холопов, от кровопийцев христианских: быша бо жены их тамо (боярские) – возлюбиха бо паче жены, «неже православную христианскую веру».

Софью, по-видимому, не любили современники, и на это они имели много причин.

Во время борьбы с Ахматом, Софья уже имела детей. Первого сына назвали Василием-Гавриилом. Но у нее был и пасынок, старший сын Ивана Васильевича от первой жены Марьи Борисовны, Иван, названный в отличие от отца Иваном Молодым. Иван Молодой, по воле отца, желавшего отстранить посягательства на московский престол своих братьев, тоже носил звание великого князя, а потому грамоты писались от обоих. Ивану Молодому, показав-

шему такую энергию при нападении Ахмата на русские земли, в 1490 году было уже 32 года, когда он тяжело заболел: болезнь его называли «камчюгом» – это ломота в ногах. Медицинские средства в то время были очень слабы и к ним прибегали редко. Находившийся тогда в Москве еврей-лекарь, мистр Леон, вывезенный русскими послами из Венеции, предложил великому князю лечить Ивана Молодого.

– Я вылечу твоего сына, – говорил он, – а не вылечу, вели меня казнить казнью.

Великий князь приказал лечить. Леон давал больному какие-то лекарства внутрь, а к телу стал прикладывать склянки с горячей водой. Однако больному стало хуже, и он умер. Но приказанию великого князя, Леон, ругавшийся головою за выздоровление молодого князя, был схвачен, и, когда покойнику исполнилось сорок дней, казнен.

Враги Софьи говорили, что Иван Молодой был отравлен ею с согласия великого князя, для того, чтобы великое княжение передать сыну Софьи – Василию. Но у Ивана Молодого остался маленький сын Димитрий от Елены, дочери молдавского господаря Стефана, на которой был женат Иван Молодой. Возникал вопрос: кто должен наследовать великое княжение – сын или внук великого князя, сын Софьи или сын Елены? Великий князь решил этот вопрос в пользу первого: не даром великий князь женился на греческой царевне ради предания империи, ради идеи царской власти. Сын Софьи был сын греческой царевны, тогда как сын Елены был только внук молдавского господаря – громадная разница; первый – отрасль царского корня; в гербе его должен был вписаться и герб римской империи – это хорошо понимала Софья Палеолог и этот же взгляд на дело она сообщила своему мужу.

Софья Палеолог победила. Двор разделился на партии, начались происки, интриги, заговоры и казни.

Образовались две партии – старая и молодая. Первую составляли более знатные сановники – князья и бояре; ко второй примкнули боярские дети, дьяки и вообще все, что выделялось грамотностью и личною заслугой. Старая партия примкнула к Елене, к её сыну Димитрию, потому что предпочтением сына Софьи сыну Ивана Молодого великий князь нарушил старину, склонился к «новшеству». Старая партия, несмотря на то, что великий князь в данном случае был не на ее стороне, была, однако, до того сильна, что молодая партия, опасаясь ее торжества, решила избавиться от главного соперника главы их партии. Задумано было лишить жизни Димитрия. Один из заговорщиков, дьяк Стромиллов, сообщил сыну Софьи – Василию, что отец хочет перенести великое княжение на Димитрия, и потому, соединившись с дьяками и боярскими детьми Яропкиным, Поярком, Гусевым, князьями Палецким-Хрулем и Шевым-Стравиным, Стромиллов советовал молодому князю тайно оставить Москву и, захватив казну в Вологде и Белоозере, умертвить Димитрия. Может быть, Софья об этом и не знала ничего. Заговорщики, однако, были скоро схвачены и пытаны. Молодой князь был заключен отцом под стражу, а его приверженцы казнены. Яропкину отрубили руку, ноги и голову. Поярку руки и голову, Стромиллову, Гусеву, Палецкому-Хрулю и Шевью-Стравину отсекли только головы. Казнь совершена была на Москве реке. Другие соучастники заговора брошены в тюрьмы.

Софью также постигла опала. Князь узнал, что к ней приходили ворожеи с зельем. Ворожей – «лихих баб», как говорить летописец, обыскали и ночью утопили в Москве-реке. Самой Софьи Иван Васильевич с тех пор стал остерегаться.

Старая партия торжествовала.

Великий князь тотчас же велел венчать на царство внука Димитрия, обойдя своего сына и сына Софьи. Обряд венчания совершили 4 февраля 1498 года. Когда Иван Васильевич с внуком вошли в Успенский собор, то на том месте, где ставят святителей, приготовлено было большое место, на котором стояли три стула: великому князю, молодому Димитрию и митрополиту. Шапка Мономаха и бармы лежали на аналое. Митрополит со всем собором отслужил молебен. После молебна великий князь и митрополит заняли свои места, а молодой князь стал перед ними, у верхней ступени эстрады.

– Отец митрополит! – говорил Иван Васильевич, обращаясь к святителю: – Божьим изволением от наших прародителей, великих князей, старина наша оттоле и до сих мест: отцы наши, великие князья, сыновьям своим старшим давали великое княжение, и я было сына своего первого, Ивана, при себе благословил, великим княжением; но Божиею волею сын мой Иван умер, у него остался сын первый Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским, и ты бы его, отец, на великое княжение благословил.

Митрополит велел Димитрию стать на место и, вставши, благословил крестом. Димитрий преклонил голову, а митрополит, положив на нее руку, громко провозгласил молитвы, чтоб Господь Бог дал поставляемому скипетр царства, посадил его на престол правды и проч. Два архимандрита взяли с аналоя и поднесли бармы и шапку Мономаха. Митрополит брал их и передавал великому князю, который и возлагал эти знаки царские на молодого Димитрия.

После многолетия началось поздравление обоих великих князей. Митрополит сказал им обоим порознь краткое приветствие. Молодому князю прочитаны были поучения и от митрополита и от деда. В шапке и бармах вышел нововенчанный князь из собора. В дверях его осыпал золотыми и серебряными деньгами дядя его, младший сын Софьи, Юрий.

А старший сын Софьи, ее первенец, Василий, во время этого торжества сидел под стражей!

Торжество старой партии было полное. Но оно скоро сменилось ужасами и казнями. Схвачены были князья Патрикеевы потомки Гедимины, и Ряполовский – вожаки этой партии: крамолы их доказаны, измены обличены. Ряполовскому отсекли голову на Москве-реке, двух Патрикеевых постригли в монахи, третьего оставили под стражей.

– Чтоб во всем между вас было гладко, пили бы бережно, не допьяна, чтобы вашим небрежением нашему имени бесчестья не было, – говорил великий князь своим послам, отправляя их к польскому королю и припоминая казненных им недавно князей Ряполовского и Патрикеева: – ведь, что сделаете не по пригожу, так нам бесчестье и вам тоже. И вы бы во всем себя берегли, а не так бы делали, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Патрикеевым.

Все это было делом Софьи. После казни вожаков старой партии, великий князь стал охладевать к венчанному им внуку, сыну Елены. Сидевший под стражею сын Софьи Василий получает свободу и объявляется великим князем Новгорода и Пскова. Мало того, на голову венчанного внука Димитрия и на мать его Елену окончательно падает опала великого князя. Их сажают под стражу, имена их исключаются из ектении и литии, титул великого князя отбирается от недавно венчанного внука, а венчание великим княжением и шапка Мономаха переносятся на голову недавно опального сына Софьи – Василия.

А за что опала обрушилась на первых?

– Если дочь моя, великая княгиня литовская Елена или кто другой спросит вас (наказывал Иван Васильевич послам своим, отправляя их в Литву): – «как великий князь пожаловал сына своего Василия великим княжением?» – то отвечайте: «пожаловал государь наш сына своего, учинил государь так: как сам он государь на государствах своих, так и сын его с ним на всех тех государствах государь». Если же спросят: «а ведь прежде государь пожаловал великим княжеством внука своего, и он взял ли у внука великое княжение?» – отвечайте: «который сын отцу служит и норовит, того отец больше и жалует; а который сын родителям не служит и не норовит, того за что жаловать?» Если же дочь моя Елена спросит: «где теперь внук и сноха?» – то отвечайте: «внук и сноха живут теперь у великого князя так же, как и прежде жили».

Мало того, посол, отправляемый в Крым, должен был отвечать на все вопросы: «Внука своего государь наш было пожаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь жалует всякий того, кто служить и норовить, а который грубит, того за что жаловать?»

Вот и все разъяснение причин опалы, постигшей великокняжеского внука Димитрия с матерью, и вторичного торжества Софьи с молодой партией.

В заключение настоящей характеристики мы должны сказать, что, судя по всем оставшимся от того времени памятникам, в Русской земле Софья Палеолог как мы заметили выше, не пользовалась общеою любовью: она была все-таки женщина иноплеменная, хотя и гречанка; она, по мнению большинства современников, была причиной разъединения великокняжеской власти с землею, с народом, а главное с дружиною или – что тоже – с боярщиною. Отсюда нелюбовь к ней боярщины.

Курбский, хотя человек весьма образованный для того времени, но большой приверженец старины и консерватор еще удельного закала, говорит, намекая на Софью Палеолог: «в предобрых русских князей род всеял дьявол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами, яко и во израильских царях, паче же которых поимовали от иноплеменников».

Наконец, опальный Берсень-Беклемишев в разговоре с Максимом-Греком прямо указывает на влияние Софьи и греков вообще.

– Как пришли сюда греки, – говорить Берсень: – так наша земля и замешалась, а до тех пор земля наша русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда великая княгиня Софья с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли нестроения великие, как и у вас в Царьграде при ваших царях.

– Господин! – замечал на это Максим Грек: – великая княгиня Софья с обеих сторон была роду великого: по отцу царского рода Константинопольского, а по матери происходила от великого герцога Феррарского итальянской стороны.

– Господин! – возражал на это Берсень: – какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла. Которая земля переставляет обычаи свои, та земля недолго стоит. А здесь у нас старые обычаи великая княгиня переменила: так какого добра от нас ждать?

Значение вреда, внесенного в русскую землю Софьей Палеолог, выражается в заключительных словах Берсеня: «Лучше старых обычаев держаться и людей жаловать, и старых почитать; а теперь государь наш, запершись сам-третей у постели, всякие дела делает».

Не отрицая того огромного влияния, которое Софья Палеолог имела лично на великого князя Ивана Васильевича и на направление его дел, мы не можем не признать громадности ее влияния и вообще на весь дальнейший ход нашей исторической жизни: с приходом в русскую землю Софьи-римлянки, как ее иногда называют летописцы, в русскую общественную жизнь влиты были новые начала, а вместе с тем Русская земля стала не чужда и западно-европейской жизни с ее культурою и цивилизацией, свободный приток для которых окончательно открыт был только Петром Великим.

Софья Палеолог умерла 7 апреля 1503 года, прожив в Русской земле более тридцати лет.

VII. Елена Ивановна, великая княгиня Литовская и королева Польская

По смерти Казимира, великого князя литовского и короля польского, в 1492-м году, Литва и Польша разделились между двумя сыновьями Казимира – Яном-Альбрехтом и Александром. Первый стал королем Польским, а последний – великим князем Литовским.

«Собиратель русской земли великий князь московский Иван Васильевич III давно считал литовских князей своими смертельными врагами, потому что Литва давно посягала на такие русские земли как Великий Новгород, Псков и некоторые удельные княжества, при малейшем неудовольствии на Москву тотчас же задавались, за Литву и Литвою грозили Москве.

Поэтому, когда умер Казимир, которого Москва боялась трогать, и на Литве стал господином великий князь Александр, то Иван Васильевич, в союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем, начал теснить Литву, имея с нею старые недоконченные счета.

Литва, поставленная между двух огней, не могла не чувствовать, что сила ее будет сломлена, и потому решила завязать родственные связи с Москвою, чтобы родством этим уладить без ущерба для себя старые с нею счеты. У московского великого князя от брака с Софьею Палеолог были две дочери невесты, и на одну из них, Елену, пал исторически жребий послужить русско-литовскому делу: на браке своего князя Александра с княжною Еленою Литва думала основать свою дружбу с Москвою.

По обычаю того времени, сватовство Литвы на русской, княжне началось издалека. Полоцкий наместник, пан Ян Заберезский, избранный Литвою орудием для этого сватовства, отправил своего писаря Лаврина в Новгород к воеводе Якову Захарьичу под предлогом покупки в этом городе разных вещей, а в сущности – с косвенным предложением сватовства. Так как это было государственное дело, то Яков Захарьич, выслушав предложение, сам отправился в Москву, чтоб доложить об этом великому князю.

Иван Васильевич, считавший, как мы видели выше, неприличным выдавать дочь свою за маркграфа Баденского, не так взглянул на сватовство Литвы.

Хотя великий князь и обвинялся некоторыми из московских бояр, недовольными его браком с Софьею Палеолог и внесенными ею в московскую придворную жизнь нововведениями, как например, Берсень Беклемашев обвинял Ивана Васильевича в том, будто он все дела государственный решает «сам-третьей у постели», относя впрочем обвинение это уже на сына этого государя, – однако, и в таком семейном деле, как сватовство за его дочь, великий князь ни шагу не делал без бояр. Узнав о «задирках» Литвы, как он выражался насчет сватовства, Иван Васильевич посоветовался с боярами, и сначала порешил было сказать Якову Захарьичу, что он не должен посылать к пану Заберезскому своего человека с ответом относительно сватовства; но вскоре великий князь передумал, и когда Захарьич уехал уже в Новгород, послал ему приказ отправить к пану Заберезскому ответ. Впрочем, так как военные действия между Литвой и Москвой продолжались, то великий князь прекращать военных действий не велел по случаю сватовства, говоря, «что и между государями пересылка бывает, хотя бы и полки сходились». Захарьичу велено при этом писать пану Заберезскому вежливо, потому что и пан Заберезский писал вежливо. Посланный должен был под рукою поразведать и о тамошних литовских делах – как великий князь живет с панами, как у них в земле дела и каше слухи про братьев Александра? Захарьичу велено было также через своего посланного сказать пану Заберезскому, что до заключения мира о сватовстве собственно нечего и толковать: это значило, что Москва догадывалась о стесненных обстоятельствах Литвы и хотела ее поприжать.

Литва, между тем, торопила со сватовством – явный признак, что ей было тяжело от Москвы и от Менгли-Гирея, разом давивших ее, и потому сватовство свое Литва ставила чем-то в роде парламентарского флага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.